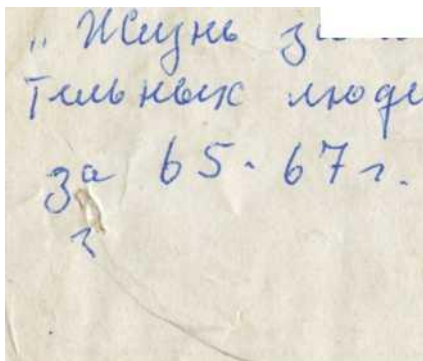

14 коп.

Брошюра «На земле отцов» рассказывает о хозяйстве, у колыбели которого стоял В. И. Ленин. В 1919 году рабочие и крестьяне, эмигрировавшие из России в Америку еще до революции, образовали в Нью-Йорке Общество технической помощи Советской России. Члены Общества обратились к Советскому правительству с просьбой разрешить им вернуться на Родину, чтобы строить новую жизнь.

В. И. Ленин приветствовал это движение. При непосредственной поддержке вождя в 1922 году возвратившиеся из Америки рабочие и крестьяне образовали неподалеку от уездного города Кирсанова сельскохозяйственную коммуну.

В брошюре повествуется о первых шагах коммунаров, о трудностях становления хозяйства. Рассказано также и о сегодняшнем дне бывшей Ирской коммуны, ныне колхоза имени В. И. Ленина — одного из лучших в Тамбовской области.

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
-КОЛОС-**

ПЕРЕДОВЫЕ ХОЗЯЙСТВА СТРАНЫ

НА ЗЕМЛЕ ОТЦОВ

И.И.КОРШУНОВ

УДК 631.14К (470.326)

ДАЛЕКОЕ БЛИЗКОЕ

Почти полвека назад по этой дороге ехали первые коммунары.

Был апрельский день. Земля освободилась от снега, в лощинах недвижимо стояла мутная вода.

Нагруженные до отказа телеги медленно двигались по взбухшему весеннему большаку, ведущему из уездного города Кирсанова в бывшее имение княгини Оболенской. Здесь, в опустевшей барской усадьбе, еле теплилась жизнь совхоза «Ира», разгромленного летом 1921 года антоновскими бандами.

Дорога свернула к деревьям в грачиных гнездах, и вскоре обоз остановился. Взору путников представилась безрадостная картина: пепелище на месте княжеских хоромов; дома, где жили рабочие, — без окон и дверей; продуваемые насквозь флигеля без крыш, полуразрушенные скотные дворы. Лишь чудом сохранившиеся от бандитских налетов контора, амбар и две кладовые могли принять под свой кров новых хозяев.

— Где же будем жить, товарищи? — В робком голосе почувствовалась тревога и страх. — Под открытым небом?

Старший группы строго ответил:

— На земле, которую нам дают бесплатно, будем жить. Все начнем сначала, товарищи... Все зависит теперь от нас самих...

В тот же день у них состоялось собрание. Короткое, деловое. Подлинный протокол передает нам его атмосферу.

«Председателем избирается тов. Михай.

Решается прочитать на следующем собрании протокол собрания, состоявшегося на пароходе.

Поступило предложение избрать совет, в который вошли бы специалисты по всем отраслям.

Предложение принимается.

Решается избрать таковых.

В совет избираются следующие тт.: от механиков тов. Хохряков, от земледельцев тов. Черминский, он же и от скотоводов, от садоводов и огородников тов. Ушкан, от птицеводов тов. Рошин, от плотников тов. Михай, от конюхов тов. Ковчан...

Был поднят вопрос о ремонте построек. Решено передать совету на рассмотрение этот вопрос».

Так открылись необычайно интересные страницы истории коллективного хозяйства, у колыбели которого стоял Владимир Ильич Ленин.

Дело было так.

В мае 1919 года, когда над молодой Советской республикой полыхало грозное пламя гражданской войны и наша земля стонала от разрухи, голода и тифа, в Нью-Йорке возникло Общество технической помощи Советской России. Его образовали фабрично-заводские рабочие и крестьяне, еще до революции эмигрировавшие из России в Америку. Им оказывали помощь советская миссия в США и ее руководитель старый большевик Л. К. Мартенс. Общество ставило перед собой цель содействовать восстановлению народного хозяйства Советской России путем посылки туда из США и Канады квалифицированных рабочих и техников.

Американское правительство не хотело признавать «законность» советской миссии, новое же Общество и вовсе показалось ему бомбой, подложенной под стены Белого дома. Представитель РСФСР после безуспешных попыток нормализовать отношения с США был выслан из Америки, миссия закрыта. Но что могло сделать правительство Соединенных Штатов с симпатиями рабочих к Советской России? «Мы с вами душой и сердцем», — телеграфировали Совету Народных Комиссаров участники первого объединенного съезда русских в Америке.

Преследования не заглушили нового движения. Кроме выходцев из России, в нем принимали активное участие американцы и канадцы. Согласно уставу, принятому на первом съезде Общества технической помощи Советской России, его членом мог быть всякий, имеющий техническую специальность, «признающий Правительство Народных Комиссаров и соглашающийся посвятить свои знания и труд устройству России на коммунистических началах».

Летом 1921 года Общество насчитывало уже свыше десяти тысяч членов, преимущественно выходцев из России. Они бежали в США от царского гнета и лишений, а попали в не менее тяжелое положение: тиски эксплуатации выжимали из них последние капли пота и крови. После Октября такие люди, естественно, всеми силами стали добиваться возвращения в молодую Советскую республику. На чужбине они поняли, что счастья без Родины им не видать и хотели поскорее пустить корни в русскую землю, которая теперь принадлежала народу. Их

манили наши поля и рощи. Им снился русский лес, луна над тихой речкой, степной простор.

Исследователи подтверждают: в последние месяцы 1920 года и в первые месяцы 1921 года выходцы из России двинулись из Америки в Советскую Россию стихийным порядком, не ожидая разрешения властей. Через одну только Либаву (ныне Лиепая) их прошли тысячи.

Характерно, однако, другое: в обществе нашлись сторонники организованного переезда. Вокруг небольшого ядра коммунистов объединялись группы людей, рвущихся к коллективному труду на свободных землях первого в мире государства рабочих и крестьян. На этой почве и возникли внутри Общества первые сельскохозяйственные артели и коммуны.

Члены Общества писали 1 мая 1921 года в Москву, в Высший Совет Народного Хозяйства:

«Первая сельскохозяйственная артель Общества технической помощи Советской России гор. Нью-Йорка посылает привет русскому рабочему народу.

Мы, хлеборобы, знающие практически ведение сельского хозяйства по американской системе, организовались в артель на коммунистических началах для работы в Советской России.

Число членов, постепенно растущее, сегодня состоит из 50 человек, с капиталом на общую покупку машин в 10 000 долларов. Имеются специалисты: огородники, птицеводы, свиноводы, по культуре картофеля и зерновых злаков. Имеем своих плотников, слесарей, механиков и кузнецов.

Стремимся скорее переехать в Россию и заняться земледелием. Поэтому просим дать нам директивы: где делать закупки машин и семян: здесь или в Европе?

Ждем телеграфного ответа».

История сохранила для нас документы, рисующие, с какой заинтересованностью В. И. Ленин отнесся к стремлениям зарубежных товарищей вместе с трудящимися Страны Советов строить новую жизнь. «...В. И. Ленин со свойственной ему стремительностью, — вспоминает Л. К. Мартенс, — немедленно приступил к реализации плана использования этого движения в целях хозяйственного восстановления страны... Он не раз ставил вопрос о насаждении у нас, по возможности в каждом уезде, большого числа сельскохозяйственных коммун..., долженствовавших служить примером культурного ведения хозяйства...»

Следует вспомнить чрезвычайно тяжелую обстановку тех дней.

Народное хозяйство разорено империалистической и гражданской войнами, иностранной интервенцией. Неурожай в Поволжье и на юге Украины. Рабочие промышленных центров голодают,

крестьяне ряда губерний переживают бедствие. Вопросы о хлебных закупках, о помощи голодающим Поволжья, о снабжении продовольствием Москвы, Петрограда, Донбасса, засева озимого клина и закупках семян не сходят с повестки дня Политбюро и Пленумов ЦК РКП (б), Совета Труда и Оборона, на которых председательствует Ленин.

Владимира Ильича не покидают думы о судьбах советской деревни. Он знает, что по-старому хозяйничать нельзя, и вместе с партией ищет новых экономических путей для сельского хозяйства, надежных и верных.

Девятого августа 1921 года Пленум ЦК РКП (б) на своем вечернем заседании обсуждает вопрос о запрещении В. И. Ленину усиленно работать ввиду его болезни и принимает решение: «Обязать тов. Ленина продолжать отпуск...»

Несмотря на это, Владимир Ильич находит возможным еще раз обсудить предложения друзей Советской России. Одиннадцатого августа он вместе с Г. В. Чичериным направляет телеграмму Обществу технической помощи Советской России. От имени Совета Народных Комиссаров выражает ему глубокую благодарность. Но не сулит энтузиастам из Нью-Йорка золотые горы, не рисует им молочные реки в кисельных берегах. Наоборот, не скрывает горькой правды, предостерегает от поспешных шагов.

«... Необходимо считаться с теми трудностями, которые в России есть, которые надо преодолевать, затруднения продовольственные и другие, — говорится в телеграмме.—Люди, едущие в Россию, должны быть к этому готовы... Желательно посылать сначала делегатов для осмотра у нас на месте земельных участков для поселения, лесных участков, рудников, фабрик и т. п. для взятия в аренду» *.

Да, Ленин глубоко понимал положение страны и хотел быть вполне уверенным в стойкости и мужестве тех, кто протягивал братскую руку молодой республике Советов. Пока члены первой американской сельскохозяйственной артели, готовясь к отъезду в дальние края, проходили практическую школу применения трактора на поле, изучали краткий курс почвоведения, Ильич обдумывал, какие условия должны соблюдать рабочие, едущие из Америки в Россию.

Прошел месяц с небольшим после первой телеграммы Ленина в Нью-Йорк. В последних числах сентября 1921 года перед участниками промышленных и сельскохозяйственных коллективов, направляющихся в Советскую Россию из Америки, был поставлен вопрос, согласны ли они подписать следующие обязательства.

«1. Мы обязуемся провести это и *коллективно* отвечаем за то, чтобы *ехали* в Россию только люди, способные и готовые сознательно вынести ряд тяжелых лишений, неизбежно связанных

¹ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 44, стр. 548 (Примечания).

с восстановлением промышленности в стране, весьма отсталой и неслыханно разоренной,

2. Едущие в Россию обязуются работать с максимальным напряжением и с наибольшей производительностью труда и дисциплиной, превышающими капиталистическую норму, ибо иначе опередить капитализм и даже догнать его Россия не в состоянии.

3. Обязуемся все случаи конфликтов без изъятия, какого бы рода эти конфликты ни были, передавать на окончательное решение высшей Соввласти России и добросовестно выполнять все ее решения.

4. Обязуемся не забывать крайнюю нервность голодных и измученных русских рабочих и крестьян вокруг нашего дела и всячески помогать им, чтобы создать дружные отношения, чтобы победить недоверие и зависть»

Трудно сказать, всем ли членам Общества технической помощи Советской России стал известен этот ленинский документ, не заставил ли он кое-кого из заокеанских друзей пересмотреть свое решение. Известно только, что первая сельскохозяйственная артель Общества готовилась к повой жизни без колебаний.

В среду восьмого марта 1922 года состоялись перекичка членов артели и их последнее собрание на американской земле. Присутствовали все до одного. Разбирался вопрос о товарищах, не имеющих достаточно денег для поездки в Россию. Решили помочь из общей кассы. Двое заявили, что вместо оплаты за проезд согласны работать на пароходе. Артель не возражала. Заслушали доклад продовольственной комиссии. Пункт за пунктом единогласно приняли устав коммуны.

На этой же неделе двинулись в дальний путь.

...И вот первая группа бывших крестьян, опролетаризировавшихся в Америке, численностью в 65 человек (из них пять женщин и семь детей) — в России, в пятнадцати верстах от уездного города Кирсанова Тамбовской губернии.

Трудности и лишения, о которых предупреждал В. И. Ленин, ожидали поселенцев с первых же шагов. Приехали на новое место в совхоз «Ира» — перед ними полуразрушенные дома. Где жить? Добро, что дело было по весне, — разбили палатки. Наступила зима — ютились по несколько человек в одной комнате.

Но это не сломило волю людей, организовавших коммуну. Их воодушевляло другое. Они бесплатно получили свыше тысячи десятин земли (половина ее была засеяна озимыми), небольшой, десятины в три, фруктовый сад, пасеку из нескольких ульев. Еще скот: шесть лошадей, семнадцать коров и телок, четыре свиноматки. Дело можно было начинать и с этой малости, главная же надежда коммунаров была на три трактора фирмы «Кейс» и несколь-

¹ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 44, стр. 125—126.

ко сельскохозяйственных машин и орудий, которые они приобрели на средства Общества и привезли с собой. «Взойдет солнце и над нашими воротами», — говорили новоселы.

Торжественный гул тракторов разбудил сонные поля за околицей бывшей барской усадьбы. Из окрестных деревень и сел, ступая по мягкому чернозему, торопились крестьяне. Они в недоумении останавливались у свежеположенной борозды и с затаенной завистью смотрели на работу машин.

Чтобы представить, что означало это событие для темной и забитой, до предела обнищавшей тамбовской деревни, надо вспомнить, в какое время это случилось.

«Во всем уезде, — отмечало в тот год на своем заседании Кирсановское уездное экономическое совещание (уэкосо), — целые села и деревни чуть ли не зачастую пользуются, за недостатком лошадей, тягой коров, если таковые имеются (что, несомненно, отразится на них), а у кого коров нет, голодают, не имея возможности вспахать свои поля...»

«Следует отметить такой факт, — докладывал секретарь Кирсановского укома РКП (б) губкомпарту, — ...крестьянство питалось и продолжает питаться суррогатами, без примеси каких бы то ни было хлебных злаков; все-таки ту часть семян, которая ими была оставлена с осени прошлого года, сберегли, но очень незначительное количество. Итоги посевной кампании можно констатировать: северная часть уезда засеивает 100% и южная часть — от 10 до 20% ярового клина...»

В таком вот, казалось, безысходном упадке и беспросветной тьме на тамбовской земле зажигался коммунистический маяк, освещая дали полевой России и заново пробуждая в ней жизнь.

Менее чем через год Владимир Ильич Ленин напишет статью «О кооперации», в которой развернет программу развития кооперирования сельского населения как основного способа движения к социализму в крестьянской стране. А в ту весну он считал первоочередной задачей тщательный сбор и внимательнейшее изучение местного практического опыта, достижения смычки с крестьянской экономикой. «Надо показать эту смычку.., — говорил Ильич на XI съезде РКП (б), — чтобы вся крестьянская масса видела, что между ее тяжелой, неслышанно разоренной, неслышанно нищенской, мучительной жизнью теперь и той работой, которую ведут во имя отдаленных социалистических идеалов, есть связь»

Рождение Ирской коммуны было вызовом старому укладу деревенской жизни. Крестьяне видели, что на сельских путях-дорогах прокладывается новая глубокая колея. Для них, правда, пока непривычным казались и работа сообща, и «железные кони» на полях, и столовая «для всех», но вместе с тем они понимали: перед ними

¹ В. И. Ленин. Поли. собр. соч. т. 45, стр. 76—77.

простой и доступный практический опыт кооперирования, указывающий, как можно выбиться из нужды.

Коммунары не теряли зря времени, не словом, а делом убеждали, что умеют хозяйничать по-новому. На весенних полях тракторы не покидали борозды по восемнадцати часов в сутки. Посеяв в срок яровые, машины вышли на вспашку майских паров. Ожила бывшая барская усадьба. Из кузницы слышался веселый перестук молотов. Зашумел станок в слесарной мастерской. Блестели на солнце топоры и пилы — спешно заканчивался ремонт жилого дома.

Коллективный труд спорился, но тут же все чаще встречались всевозможные препоны.

Еле зашумела рожь спелым колосом, на нивах показались косари из соседних селений. «Это мои три десятины». «А эта, вдоль дороги, моя полоса...» Выяснилось, что осенью свыше четырехсот гектаров ржи в совхозе засеяли исполу «крепкие мужички», и коммуне стоило большого труда отстоять свою долю посевов.

Один дом возвели, появилась возможность переселить под крышу всех коммунаров, прибывших в апреле, но в июле из Америки приехала вторая группа членов артели — десятки людей продолжали жить в палатках. Заложили фундамент для нового дома, купили старый сруб, а на четыре нижних венца не хватило леса. Денег тоже не было, чтобы купить: до губернии дошло дело! Для тракторов потребовалось много керосина, брали в долг, а наступило время расплачиваться, где взять средства? Пришлось продать четыре вагона овса, припасенного на семена.

Одно цеплялось за другое, одну трудность преодолеют, вырастала другая.

Кулаки скоро поняли, что коммуна становится им поперек пути. Работник лавочника из деревни Екатериновка попросил у своего хозяина по прозвищу Бугай расчет: «Ухожу в коммуны!» Бугай не задерживал: «Скатертью дорога!» А сам пустил слух: «Землю у нас всех отрежут и продадут американцам. Государству доллары нужны, чтобы царские долги погасить». Заволновалась Екатериновка, насторожилась. Ночью на току коммуны запылала скирда.

— Скирду можно сжечь, — сказал один из коммунаров, — идею не спалишь.

Вскоре в Ирскую коммуны вместе с третьей, добавочной группой из Америки влились двадцать два бедняцких хозяйства из окружающих деревень.

Цементировали коллектив коммунисты. Их первоначально насчитывалось двенадцать, и они сразу же стали ядром нового хозяйства.

Рождение партийной ячейки зарегистрировано в протоколе Кирсановского укомпарта от 31 июля 1922 года, хранящемся в архиве Тамбовского обкома КПСС. «В Ирской вол., — говорится в протоколе, — куда прибыла ячейка эмигрантов из Америки, организовать

ячейку и проверить, какой имеется у них материал для партработы (литература, инструкции, циркуляры, распоряжения и т. д.)».

Эта ячейка и взяла на себя ответственность за судьбы сельскохозяйственного коллектива. Ей доверяли. На нее полагались. За ней шли.

Секретарь ячейки И. И. Ковенько уже к концу 1922 года докладывал: «Состояние ячейки удовлетворительное, разногласий в ячейке нет ни деловых, ни принципиальных... Воспитание членов и кандидатов ведется, при ячейке организована политшкола. К обсуждению политических и хозяйственных вопросов беспартийная масса привлекается путем обсуждения таковых вопросов на митингах и общих собраниях... Влияние коммунистов на беспартийные массы замечается в быстром выполнении всех заданий Советской власти».

Нелегко пришлось ячейке. Но самые большие испытания выпали на долю закаленного коммуниста Карпа Григорьевича Богданова, долгие годы стоящего во главе коммуны. Это был руководитель, не боявшийся лишений, спокойно и мужественно встречавший трудности. Он в деталях знал хозяйство, жизнь каждого члена коллектива, всегда старался докопаться до корня явлений.

Придя в уком партии с отчетом или просьбами, он не хитрил, не показывал работу с одной, благополучной, стороны, а раскрывал все, как оно есть: судите, мол, сами! Но когда слушал поверхностные мнения или необоснованные упреки, не молчал: «Прежде всего надо изучить дело, а потом уж выходить с выводами. Вы, товарищ, ведь не знаете нашей жизни, а вот беретесь поучать...» Однажды он сказал на заседании укома: «В коммуне нет ничего, а надо сотворить все!» Позже члены укома убедились: это были не слова, а жизненный принцип Богданова.

О бывших коммунах у нас часто говорят как о преждевременном шаге. Вряд ли оправдан такой категорический односторонний взгляд па них. При всех ошибках, заблуждениях, «левацких» заскоках первые коллективные хозяйства оставили добрый след в истории социалистического преобразования деревни. Они были первыми маяками новой жизни, на их примерах и ошибках учились тысячи.

Из всех завоеваний Ирской коммуны подкупал прежде всего трудовой энтузиазм, бескорыстное служение общему делу. Ее опыт убеждал: даже сравнительно небольшому коллективу, если он дружен и трудолюбив, по плечу большие свершения.

На расстоянии лет трудно подробно воспроизвести картину становления хозяйства, поэтому сошлемся на свидетельства участников событий.

Все, кто бывал в коммуне в первый же год ее жизни, отмечали, что работа в хозяйстве идет вовсю. В поле, на огороде, в саду, на усадьбе — везде чувствуется кипучая деятельность новоселов. За несколько месяцев в имении Ира на месте развалин люди возродили

ли жизнь. Отремонтировали мастерские, два сарая, коровник, поставили свинарник, строили птичник. Открыли коммунальную столовую, завершают строительство двухэтажного жилого дома. В стаде насчитывалось уже 24 дойные коровы местной породы, четыре десятка голов молодняка. Посевы озимой ржи и пшеницы проведены по раннему майскому пару рядовым и ленточным способами.

«В кипучей работе проходил день, — писали уездный корреспондент газеты «Тамбовская правда» П. Михайлов и зав. АПО укома С. Помазов. — С раннего утра (5 часов) члены коммуны на ногах. Через час звонок к завтраку, не пришедший, опоздавший хотя и не преследуется, но чувствует свою вину. Впрочем, этого почти не бывает. Члены коммуны аккуратны. Завтрак состоит из стакана кофе с хлебом, иногда с маслом, обед в 12 — из двух блюд и чай. Вечером ужин — тоже горячее и молоко. Хлеба вдоволь. Каждому отдельный прибор. Пищу готовит повар, но подготовка продуктов лежит на женщинах, которым, кроме того, поручено и заведование огородом. Обычно после ужина коммунары долго не расходятся из столовой. К их услугам здесь же пианино и граммофон...»

Владимир Ильич Ленин, как мы уже знаем, глубоко интересовался коллективными механизированными хозяйствами, созданными при содействии Общества технической помощи Советской России. Высший Совет Народного Хозяйства докладывал Ильичу о приезде и размещении промышленных и сельскохозяйственных групп эмигрантов, их первых шагах. Хорошо знавший начало дела Л. К. Мартенс после возвращения из Америки в Россию также информировал Совнарком и Совет Труда и Оборона, где и как начали работу сельскохозяйственные коммуны.

А их насчитывалось уже шесть.

Вслед за первой сельскохозяйственной коммуной, развернувшей лагерь на Тамбовщине в Иреком совхозе, в мае того же 1922 года из Канады прибыла группа украинцев и галичан и обосновалась при станции Мигаево Тираспольского уезда Одесской губернии, организовав там агрикультурную коммуну. Вскоре о ней услышала вся Украина. Как же! Оборудованные здесь кузнечная, токарнослесарная, механическая и слесарно-плотницкая мастерские работали с помощью электрической энергии, что по тому времени являлось дивом. На полях прокладывали борозды тракторные плуги, сев производился рядовыми сеялками.

Почти одновременно Общество направило в Россию тракторный отряд. В июле он приступил к работе в совхозе «Тойкпно» Сарapulьского уезда Пермской губернии и очень быстро показал крестьянам преимущество крупного хозяйства, вооруженного машинами. Осенью 1922 года в «Правде» была помещена статья «Американский тракторный отряд», которая привлекла внимание В. И. Ленина.

В Ирской коммуне понимали, что работа их на виду у всей Советской Республики, и не хотели отставать от других крупных по тому времени сельскохозяйственных коллективов.

Огонек в степи под Кирсановой разгорался все ярче.

И вот однажды — это случилось в конце октября 1922 года — в столовую в час обеда вбежал только что вернувшийся из Кирсанова секретарь партийной ячейки. Поднял руку с газетой, крикнул радостно:

— Ленин шлет нам благодарность!

Все сгрудились вокруг секретаря, а он, попросив тишины, уже читал: «Обществу технической помощи Советской России.

20.X. 1922 г.

Дорогие товарищи!

В наших газетах появились чрезвычайно благоприятные сведения относительно работ членов вашего Общества в советских хозяйствах Кирсановского уезда, Тамбовской губернии, и при ст. Митино, Одесской губернии, а также о работе группы шахтеров Донецкого бассейна.

Несмотря на гигантские трудности и, в особенности, ввиду разорения во время гражданской войны, вы достигли успехов, которые следует признать исключительными.

Спешу выразить вам свою глубокую признательность, с просьбой опубликовать в органе вашего Общества, а также, если возможно, и в общей прессе Северо-Американских Соединенных Штатов.

Я вхожу с ходатайством в Президиум ВЦИКа о признании наиболее выдающихся хозяйств образцовыми и об оказании им специальной и экстраординарной помощи, необходимой для благоприятного развития их работы.

Еще раз выражаю вам от имени нашей Республики глубокую благодарность и прошу иметь в виду, что ваша помощь по тракторной обработке земли является для нас особенно своевременной и важной.

Особенное удовольствие мне доставляет возможность поздравить вас в связи с предполагаемой вами организацией 200 сельскохозяйственных коммун.

Председатель Совета Народных Комиссаров

Ленин»¹

— Ленин! — повторил секретарь ячейки.

Все, мысленно повторив это дорогое имя, подумали о том, к чему обязывает их ленинская благодарность.

А между тем Владимир Ильич, как и обещал в письме, написал в Президиум ВЦИК ходатайство о признании выдающихся хозяйств

¹ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 45, стр. 230.

образцовыми и об оказании им помощи. Девятого ноября 1922 года Президиум ВЦИК признал коммуны «Ира» образцовым хозяйством. Ей была оказана большая материальная помощь — выделены кредиты и лес на строительство, отпущены семенные ссуды. Из Кирсанова и Тамбова приехали специалисты, чтобы помочь коммуне правильно организовать труд и его оплату.

Ленинское внимание окрылило коммунаров. Сознание того, что вождь рабочих и крестьян с ними рядом, знает о них, видит и ценит их труд, воодушевило людей, придало им новые силы.

...Быстро слетали листки с календаря. В ноябре 1925 года коммуны (с февраля 1924 года она стала носить имя Владимира Ильича Ленина) обследовала комиссия Совета Труда и Оборона. В это время происходило быстрое пополнение коллектива коренными местными крестьянами.

Прибыв на место, члены комиссии увидели уютный, полный увлекательной жизни уголок тамбовской земли. На месте сожженных и разрушенных антоновскими бандами барских построек высились два двухэтажных деревянных дома на кирпичном фундаменте и с железными крышами — здесь жили около семидесяти семей коммунаров. Неподалеку, возле развесистых дубов, стояли недавно отстроенные здания клуба и школы (первый этаж — каменный, второй — деревянный). В стороне раскинулся свинарник, дымила труба механической мастерской, от них шла дорога к саманному птичнику на кирпичном фундаменте. Это все были новые постройки. Кроме того, коммунары успели произвести капитальный ремонт скотного двора, конюшни, приспособить кирпичную ригу под деревообделочную и лесопильную мастерскую, оборудовать гараж и омшаник, привели в порядок многие другие хозяйственные и бытовые службы, открыли шорную, сапожную и портняжную мастерские.

Радовали и другие стороны жизни коммуны. Земельные органы дополнили ее машинный парк. К трем тракторам «Кейс» прибавился еще «Лаусон», к двум десяткам плугов — еще пятнадцать. Приобрело хозяйство дополнительно восемнадцать культиваторов, пять сеялок, несколько сноповязалок, жаток, сенокосилок, дисковых борон, две молотилки. Вместе с машинами в упряжке ходило 38 лошадей, подрастал молодняк. По тем временам большими агротехническими достижениями считались ранние пары, вспашка под зябь, сортовые семена, посев рядовыми сеялками, пятипольный севооборот с травяным клином. А это все было здесь введено.

Крестьяне-единоличники держали коров в холодных катухах. Коммуна же почти три десятка коров и пятьдесят голов молодняка содержала в хорошо оборудованном скотном дворе, со стойлами, детскими кормушками, утепленным потолком и деревянным полом.

Довольно интересно протекала и культурная жизнь коллектива. В клубе устраивались спектакли, киносеансы, лекции, собеседова-

ния. На них приглашались и окрестные жители. Коммунары ходили в соседние деревни, где организовали кружки по ликвидации неграмотности. Только за один год в коллективе побывало около тысячи экскурсантов.

Комиссия СТО, тщательно анализируя состояние хозяйства, увидела и недостатки в жизни коммуны. А их у нее накопилось порядочно — ведь коллективные хозяйства делали лишь первые шаги, зачастую шли на ощупь. В коммуне, например, не было производственного плана. Никто не знал, как его править? составлять. Большие затруднения вызывали учет труда и счетоводство. Отражалось на работе нерациональное распределение членов коллектива по отдельным отраслям хозяйства. Силы были расставлены так, что на полевых работах участвовало только около четверти трудоспособных, остальные были заняты в сфере обслуживания и на подсобных предприятиях — на мельнице, лесопилке, в мастерских. И самая главная помеха, как зафиксировала комиссия СТО, заключалась в слабой интенсивности труда коммунаров, которая обуславливалась главным образом «несоответствием некоторых пунктов устава коммуны с жизнью и бытовыми условиями коммунаров, то есть отсутствием заинтересованности в результатах работы». Еще бы! В коммуне были все равны, никто не пользовался привилегированным положением, все одинаково пользовались теми или иными благами, никто не получал никакой оплаты за труд, так как все необходимые потребности по мере возможности удовлетворялись из хозяйства коммуны. А хлебников, то есть нетрудоспособных, насчитывалось больше, чем работающих. Как прокормить всех?

Теперь ветераны коммуны, вспоминая первые годы работы, с горькой улыбкой сознают: «Колумбу было проще открыть Америку, чем нам составить правильный устав собственной жизни».

В своих выводах комиссия СТО признавала необходимым изменить некоторые пункты существующего устава, «вводя хозяйственную заинтересованность членов коммуны в результатах своего труда». Она рекомендовала «на основе имеющегося опыта как в жизни и деятельности местных, так и иммигрантских коммун, составить проект нового устава, который предложить коммуне к обсуждению, принятию и проведению в жизнь».

Советы авторитетной комиссии легли в основу дальнейшей работы коллективного хозяйства.

К этому времени в коммуне работала довольно мощная ячейка РКП (б) — сорок восемь коммунистов. Ответственность за коллективный труд и состояние производства стала для членов партийной ячейки сутью их жизни. Коммунисты бескорыстно служили делу, в которое верили, смело шли по дороге, которую выбрали.

Не один раз в большой семье коммунаров назревали разногласия. Ячейка скоро находила их истоки. Одни не устояли перед

трудностями. Другими овладела корысть. Войдя в коммуну из личных индивидуальных своих интересов, иные старались поставить порядок в коллективе по своему желанию. Коммунисты посоветовались в укоме: «Хотим отпустить часть людей, а на их место принять крестьян из окрестных деревень. У нас лежит от них триста заявлений». В укоме не возражали. Бедняки и батраки и в дальнейшем были надежным резервом коммуны. К концу 1925 года разлагающий элемент, попавший случайно в коммуну при ее организации в Америке, уже выбыл, внутри коллектива вновь восстановилась здоровая обстановка.

Небезынтересно заметить: в эту пору в коммуне было более половины местных крестьян; они работали рука об руку с людьми разных национальностей. «Не коммуна, а Третий интернационал!» — шутили в уезде. Факт был фактом. В составе взрослых членов коммуны насчитывалось: русских — 57, белорусов — 50, украинцев — 35, поляков — 5, немцев — 5, итальянцев — 3, латышей — 2, литовцев — 2, чехов — 1, евреев — 2, мадьяров — 1.

В дружной семье и работа спорилась. Утром Джованни Фанфарони, итальянец, шел в механическую мастерскую, а бывшая батрачка немка Марта Кригер — в телятник, русский Федор Баскаков — в полеводческую бригаду, а поляк Тадеуш — на строительную площадку. Латышка Оттилия, казах Абдикареев, украинец Грицко — все становились известными и знаменитыми по одной мере — по труду и отношению к общественному хозяйству.

Они воспитывались в духе равенства и братства.

Слух о коммуне шел от села к селу, от волости к волости — по всей губернии. На ее усадьбу потянулись новые ходоки. Беднякам коммунары бесплатно производили помол, ковали лошадей, выдавали семена. Вдоль проезжей дороги они устроили показательное поле. Крестьяне на конкретных примерах больше убеждались, что в одиночку им не подняться к лучшей жизни. Часто спрашивали: «А как же и нам устроить такую же артель?».

Признания крестьян окружающих деревень и сел, пожалуй, является лучшим свидетельством сильного влияния на них коммуны и перелома в их сознании.

Вдумаемся, например, в смысл такого заявления в хозяйственный совет и ячейку РКП (б) коммуны:

«Мы, граждане деревни Екатериновки и поселка Серп Кирсановского уезда, следя за вашей коллективной жизнью и теми достижениями в работе, проводимой вами в культурном развитии вашего хозяйства, и применением способа обработки земли, вполне убедились, что только коллективным трудом можно поднять культурный уровень сельского хозяйства и экономическую мощь нашей страны. Только при организации сознательных крестьян и в объединении доступно применение сельскохозяйственных машин и ору

дий, только коллективным способом крестьяне смогут вытеснить первобытную соху и заменить ее плугом и трактором. Поэтому просим коммунаров в содействии нам в организации коллективной обработки земли... Ибо только через объединение мы выполним заветы Ильича.

В чем и подписуемся: Е. Горбунов, И. Иехин, И. Примеров, Поляков, Романов».

Не слова о пользе коллективного труда, а дела конкретных сельскохозяйственных коллективов меняли взгляды крестьян.

Просто и душевно выразил свое отношение к коммуне, «находящейся близ нашей деревни Екатериновки», крестьянин И. А. Микунов. Его отзыв о коммуне, хранящийся в Тамбовском архиве, написан в апреле 1929 года, в канун массовой коллективизации, и отражает настроения тысяч крестьян.

«Коммуна имени Ленина действительно есть такой просвет среди нашего темного населения, какового не было в нашем краю никогда. До появления этой коммуны в нашем краю, в нашей местности царила тьма беспросветная. Негде было посмотреть, что значит организованный труд, что значит заставить работать на себя стального коня. Мы, граждане окружающих деревень, впервые увидели в коммуне имени Ленина, что можно жить безбедно и работать организованно...»

И. А. Микунов с крестьянской деловитостью и скрупулезностью перечисляет дальше, «за что любит наше крестьянство коммуну».

За что же?

За мужество. В первые годы коммунары жили в плохих условиях, но пережили все трудности, не отступили. «Трудно было себе представить, что эта коммуна устроится так, как она теперь живет».

За бескорыстие. «Коммуна энергично работает с беднотой, помогает ей материальными средствами, а именно: давала по сто пудов и больше ржи во время неурожая на наши деревни безвозмездно». Выделяла часть высококукосных лугов для бедняцкого населения.

За науку. Коммуна имеет высокоурожайные сорта полевых культур и очень породистый скот. Она «научила наше население сеять корнеплоды, нашу скотину не стала бить бескормица, как это было раньше... Коммуна имеет хороший питомник, и мы, окружающее население, от коммуны за самую дешевую плату, а часто беднота и безвозмездно, развели у себя на усадьбе самые лучшие сорта плодовых деревьев».

За дружбу. «Коммунары помогли нам исходатайствовать дом для школы в нашей деревне, так как школы у нас не было со дня существования нашей деревни, т. е. более 60 лет, а теперь мы открыли школу, и в ней учатся с утра и до позднего вечера две группы детей и три группы взрослых, т. е. ликвидпункт. Коммунары день

работают в коммуне, а вечером идут к нам в деревню заниматься с неграмотными в ликвидпункте».

И вот — вывод:

«Население признает, что жизнь в коммуне — жизнь правильная, жизнь сытая и здоровая. А жизнь единоличников — жизнь грязная, вечно беспокойная, жизнь нищеты и невежества, порой толкающая на преступления от непосильного труда. Нет, больше так жить нельзя, как жили в одиночку. Путь избавления от нищеты — коллектив и коммуна. И пусть цветет их доброе начало, пусть цветет и растет коммуна Ленина. Я шлю ей привет».

Это крестьянское признание — документ эпохи. Написанный корявым почерком, он ценнее любой грамоты, потому что с неподражаемой простотой и ясностью свидетельствует, почему сельский труженик проголосовал за колхозы.

Высокая оценка В. И. Лениным успехов коммуны и его ободряющие слова стали решающими для дальнейших судеб коммунаров. Взявшись в трудные годы за строительство новой жизни в деревне, они с честью выдержали экзамен. «Путь избавления от нищеты — коллектив». Потребовались годы, чтобы крестьянин из деревни Екатериновки понял это.

Уже не было Ленина, но в каждой клеточке государства жило его дело. Был гениальный ленинский кооперативный план, были наглядные образцы социалистического переустройства деревни, был умный крестьянин Микунов, голосующий «за коммунию».

В метельный декабрь 1927 года XV съезд партии принял решение: больше ждать нельзя, пора широким фронтом разворачивать коллективизацию сельского хозяйства.

Кирсановский уезд был готов к этому ответственному шагу. Свет коммуны имени В. И. Ленина доходил не только до Екатериновки и Серпов. Он озарил нищенскую Марьинку, забитую Карай-Салтыковку, голодный Суходол — десятки волостей уезда. В имении бывшего коннозаводчика Павлова — Любичи, преодолевая помехи, поднималась в гору коммуна «Путь», в селе Овсянском — артель «Дружба». Сто сорок сельскохозяйственных кооперативных объединений насчитывалось тогда на территории уезда. От простейших мелких объединений крестьяне постепенно переходили на новые рельсы крупного современного производства. Этот переход совершался в борьбе.

Кулаки распространяли о колхозах дикие нелепицы, восстанавливали против них середняка. В уезде обострилась классовая борьба. В Ирской коммуне недруги портили машины. Из сараев бесследно исчезал инвентарь. Конские табуны вытаптывали общественный огород. В темную ночь запылала конюшня — коммунары еле спасли лошадей.

— Кого пугают! — сказал на собрании коммунист Федор Баскаков. — Кто боязлив характером и дрожит за свою шкуру — того

среди нас уже нет. А нас не собьешь! На каждую вылазку классового врага мы ответим трудом и спайкой.

— Вместо одной конюшни поставим две! — поддерживали коммунары и спокойно шли на работу.

Благодаря ленинской прозорливости (помните, с какой безоговорочностью поддержал он движение друзей Советской России?) коммуна выиграла время, а значит, дело. Вновь создаваемые в уезде колхозы клали лишь первые кирпичи в фундамент новой сельской экономики, а коммуна, гордясь достигнутым, крепила уже сложившееся хозяйство. Вот как выглядело оно в разгар коллективизации.

В распоряжении коллектива находилось более двух тысяч гектаров земли. На ней работали шесть колесных и два гусеничных трактора, полностью обеспеченных прицепным инвентарем. На косовицу хлебов, кроме жаток и сноповязалок, выходил первый комбайн. Ржи, пшеницы, овса стали собирать с каждого гектара в два раза больше по сравнению с прежними годами. А стада, стада какие паслись в приречных лугах! Стадо дойных коров, стадо телочек — более триста голов, залюбуешься. Свиноферма на сто с лишним свиноматок, восемь десятков рабочих лошадей, гурты овец. Кто не позавидует такому богатству? Да и построек прибавилось много, сплошь новые — коровники, конюшни, свинарники, мастерские. И для жизни людей — десять многоквартирных домов, семилетняя школа, клуб, баня, детские ясли...

Имущество коммуны в первый год ее жизни оценивалось в 168 868 рублей, в пору коллективизации ■ — в два с лишним миллиона.

Как-то председатель, приехав в поле, спросил у бригадира Никиты Ковалюка, усатого мужчины с черными бровями, сколько ему лет.

— Лета есть за плечами, — весело ответил тот. — А жизнь начал настоящую вместе с коммуной...

— Это ты верно говоришь, у нас у всех настоящая жизнь с коммуной началась, — согласился председатель.

Люди, организовавшие коллективный труд, в сущности на пепелище, теперь видели дело рук своих. Не все еще их удовлетворяло и радовало, но ведь, как ни измеряй, судьба не обошла тружеников. У каждого, кто честен, была работа по душе, приличные заработки, была квартира, хорошая пища. И школа была для детей, и ясли, и клуб для интересного отдыха. Крестьянин теперь имел многое, о чем раньше приходилось только мечтать.

— А главное, — продолжал свою мысль бригадир Ковалюк, — спокойное утро трудового дня и надежное завтра. До чего же хорошо на душе, когда погожим летним утром идешь полевой дорогой на работу!... Пшеничный разлив без конца и края, солнце только поднялось, в небе — жаворонок...

Вот в такое именно утро в поселке Ленинском появились заграничные гости.

Шло лето 1931 года. Ярко зеленел после дождей выгон у речки. По пшеничной ниве, начинающейся сразу за околицей, деловито двигались сноповязалки. На усадьбе коммуны начинался обычный трудовой день.

Выйдя из машины, гости с любопытством поздоровались с председателем коммуны товарищем Таболой. То были знаменитый английский писатель, большой друг Советского Союза Бернард Шоу, один из крупнейших землевладельцев Англии лорд Астор, другой знаменитый лорд Лотней и ярая антисоветчица, долгие годы пакостившая Стране Советов, леди Астор. Разные цели преследовали они, прибыв в коммуну. Бернард Шоу хотел лучше узнать «страну надежд» и ярче рассказать о ней в Англии. Деловые лорды, проявляя любопытство ко всему, больше всего интересовались дойным стадом коров. А леди Астор в злобе и ненависти к Советскому строю торопилась разыскать «компрометирующий» материал, «ужасы» нашей жизни, чтобы, вернувшись в Англию, повести новые атаки против большевиков.

Советские журналисты дословно записали беседы леди Астор с коммунарами и, таким образом, оставили для истории ценные свидетельства, которые будут интересовать не одно поколение.

Гостям повстречался столяр Корней Задирако. Леди Астор заторопилась, обращаясь к переводчику.

— Спросите у этого дедушки, кто здесь помнит бывшего своего барина, князя Сергея Оболенского, моего лучшего друга?

Дед поскреб бороду и ответил:

— Как же, очень даже многие помнят!

— Когда же было лучше: в коммуне или при князе Оболенском?

— Ему-то жилось хорошо, а нам... — Дед недвусмысленно крикнул.

Такое начало ничуть не смутило леди. После осмотра коровника она, несколько отстав от своих спутников, «атаковала» доярку Марию Кардаш.

Леди. Ну как, трудно живется?

Мария. Да нет, не жалуемся, у нас в коммуне дела хорошие. Леди. Я спрашиваю, как вам лично живется, а не коммуне.

Мари я. Так раз в коммуне дела хороши, значит, и мои дела, и всех.

Леди. Это неверно. Это вам внушают. Если человек не заботится сам о себе, он ничего не добьется.

Мария. А вот мы, когда о себе только заботились, жили плохо, а в коммуну пришли, коллективно живем — другое дело. Нет, коллектив везде нужен.

Леди. Все-таки у вас в колхозе все провалится!

Мария. Что вы! Прочные мы!..

Гости зашли в хлебопекарню. У лотков со свежим хлебом склонилась тридцатидвухлетняя работница Мария Пилипенко. В свое время она жила в Австралии, куда, спасаясь от нищеты, уезжали ее родители. Леди Астор узнала об этом и сразу же — с вопросами.

Леди. Ну что, плохо вам после Австралии?

Пилипенко. Мне гораздо лучше.

Леди. Почему же?

Пилипенко. Я чувствую себя здесь свободно, человеком. У меня всегда есть работа, и мой труд ценят. Мои дети все учатся за счет государства и каждый на какую хочет специальность.

В разговоре с работницей леди пыталась зацепиться хотя бы за ниточку, чтобы получить «разоблачительный» факт. Выяснилось, что Пилипенко живет в одной комнате, а в семье — шестеро. Пошли смотреть. Большая светлая комната. Хорошая обстановка. Чисто одетые дети. Бернард Шоу подошел к леди: «Что вы хотите, Астор? В Англии в такой комнате живет пятнадцать рабочих!»

Они зашли в новые дома коммунаров, расспросили их о труде, быте, учебе. В сверкающих чистотой детских яслях Бернард Шоу словно помолодел. Несмотря на свои семьдесят пять, держался прямо и бодро. Вошел в круг загорелых крепышей и, глядя то одного, то другого по головке, расцвел в улыбке. В клубе англичанам рассказали о достижениях коммуны и устроили для них концерт.

— Все у вас — пропаганда! — уже несколько смягчившись, заявила леди Астор.

Она поняла, что «ужасов» советской жизни ей не найти в коммуне, но не хотела сдаваться.

О, как она обрадовалась, встретив пятнадцатилетнюю Катюшу Гонтарь! Катюша приехала с отцом в коммуну из Америки, не забыла английского языка и поэтому говорила с гостьей без помощи посторонних. Через три дня их диалог воспроизвела воронежская областная газета:

«Леди Астор ласково погладила девочку по головке и плечам, стараясь с места в карьер завоевать детскую душу и добиться «истины». И она ее добила!»

— Где тебе, девочка, лучше было — здесь или в Америке?

— Конечно, здесь!

— Как же ты можешь помнить Америку? Ведь ты была еще совсем маленькая.

Девочка искоса посмотрела на леди, на ее ласкающие руки и ответила:

— Жизнь в Америке я слишком хорошо помню, там было голодно и мрачно. А здесь я учусь, работаю и буду обязательно через два-три года в университете. О-бя-за-тель-но!»

Катюшу Гонтарь о многом расспрашивал Бернард Шоу. Но это была совсем другая беседа, искренняя и доброжелательная.

Гости провели в коммуне весь день. Осмотрели ее мастерские, фермы.

Лорд Астор долго расспрашивал председателя товарища Таболу о животноводстве, которое произвело на всех сильное впечатление. А вечером поехали в соседнее село Ира, недавно ставшее на путь коллективного хозяйствования. Ходили по избам, знакомясь с бытом крестьян, с пристрастием расспрашивали, что им дает коллективный труд, какие у них планы на будущее.

В Москву они уезжали поздно вечером. Бернард Шоу сказал на прощание:

— Я чувствую себя здесь прекрасно. Россия — удивительная страна. Мне кажется, что я помолодел по крайней мере на 20 лет...

Ветераны труда могут вспомнить, а документы подтвердить еще не одну волнующую страницу из истории хозяйства. Возможно ли, например, забыть такое событие, как награждение в 1936 году коммуны орденом «Знак Почета», а председателя Карпа Григорьевича Богданова, бригадира Никиту Ковалюка и телятницу Марту Кригер — орденами Ленина? Или можно ли вытеснить из памяти апрельский день 1938 года, когда коммунары, собравшись вместе, решили жить дальше по Уставу колхоза, который наиболее полно сочетает общественные интересы хозяйства и личные интересы колхозников? А отповедь коммунаров белогвардейским клеветникам? А неоднократный приезд в поселок Ленинский группы американских писателей и общественных деятелей с их неперменным желанием «спать на сене»? А выступление бывшей батрачки Марты Кригер на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов, где утверждалась Конституция СССР?

Зерна коммуны дали новые добрые всходы, заслуживающие восхищения. Но мы ограничим рассказ об истории хозяйства первым его десятилетием. Полное революционной романтики, оно дорого для поколений. Потому что воскрешает огромную роль Владимира Ильича Ленина в создании первых сельскохозяйственных коллективов в Стране Советов, учит мужеству и стойкости, чистосердечию и бескорыстию в борьбе за социалистическое преобразование деревни.

Поливая землю потом своим, пионеры социалистического кооперирования мелких распыленных крестьянских хозяйств под руководством партии клали первые кирпичи в фундамент нового здания деревни, с нечеловеческим трудом, засучив рукава, мостили первые дороги в будущее села. По этим дорогам впоследствии пошли миллионы единоличных хозяйств, добровольно объединившихся в колхозы.

Можно ли предать забвению этот героический подвиг застрельщиков коллективизации?

Об этом однажды зашел разговор в Кирсановском горкоме КПСС.

Принимали в члены партии двадцатидвухлетнего передового животновода из колхоза «Рассвет». Спрашивают его об Уставе партии — отвечает, о Программе — знает, о решениях последнего Пленума ПК — в курсе дела. Уверенно отвечает, четко. Но вот один из членов бюро интересуется:

— А историю своего колхоза вы знаете?
— В общих чертах, — отзывается животновод.
— О классовой борьбе в деревне своей слышали? Что пришлось пережить и преодолеть сельским активистам, прежде чем поставить на ноги колхоз, знаете?

Кандидат в члены партии пожал плечами. Все молчали. Иван Матвеевич Селиверов, первый секретарь горкома¹, потрогал гладко причесанные черные волосы. Сказал не без волнения:

— А ведь мы напали на большой вопрос, товарищи. В самом деле. Коллективизация сельского хозяйства — глубочайший революционный переворот в деревне. Земельный перевал. Так? Но почему же в таком случае мы даже в своем собственном районе не знаем толком историю создания колхозов? Почему не собираем воспоминаний об этом? В городах пишутся истории заводов. Пора бы и нам заняться историей колхозов.

Члены бюро оживились, заговорили все сразу.

— В истории — наш опыт!

— Нужно хорошо всем знать, как поднималась новь, с каким усилием переворачивали ее пласты. Не забывать все ценное. И ошибок не повторять.

Когда успокоились, Селиверов уточнил свою мысль. Полезно-де анализировать не только текущую работу, извлекать уроки, допустим, из прошлогодней практики. Надо заглядывать в глубь десятилетий, смотреть на опыт на расстоянии. Очень часто далекое близко нам и теперь.

— Многие моменты в жизни коммуны имени Ленина хоть сейчас бери на вооружение. Были, например, в хозяйстве коровы-рекордистки, по пять тысяч килограммов в год от них надаивали. Где они сейчас? Просмотрел я как-то правила внутреннего распорядка коммуны на 1929 год. Ряд пунктов и теперь украсили бы распорядок колхоза. Особенно о дисциплине. Ветераны рассказывают, что о выпивках тогда и понятия не имели. Чем плохо?

Он пристально посмотрел на кандидата партии.

— Нам дороги эти забывать нельзя...

К этой мысли в районе вернулись в дни работы XXIV съезда Коммунистической партии Советского Союза. Ловя каждое слово из Кремля по радио, а потом с карандашом в руках, читая и перечитывая Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС, Селн-

¹ Сельские партийные организации Кирсановского района подчинены горкому КПСС.

веров как бы погружался в глубины народной жизни, к самым ее истокам. Великое дело партии, которая уверенно ведет Страну Советов по ленинскому пути, ее вдохновляющие идеи и планы он сравнивал с местной практикой, с буднями сельской глубинки и с радостью убеждался, что труженики района идут в ногу с Родиной.

Из материалов съезда напрашивались и практические выводы: в новой пятилетке предстояло сделать большой шаг вперед, и, чтобы этот шаг был уверенным, надо совершенствовать организаторскую и политическую работу с людьми, улучшать коммунистическое воспитание трудящихся района.

Партия придает большое значение воспитанию у советских людей «чувства гордости за свою Родину, за свой народ, за его великие свершения, чувства уважения к достойным страницам прошлого своей страны».

Подчеркнув эти строки, секретарь горкома подумал, что история для нас не пепел, а огонь. Доброе дело партии переживет века.

Впрочем, вернемся в колхоз, рассказ о котором мы оборвали.

ЗАРЯ НАД ПОЛЕМ

С той поры минули десятилетия. Колхоз имени В. И. Ленина прошел за это время большой путь, вписал много волнующих и поучительных страниц в историю советского села. И было бы интересно воспроизвести его историю подробно, строка за строкой. Но мы перешагнем годы и обратимся к сегодняшнему дню коллективного хозяйства, лишь изредка возвращаясь к прошлому, далекому и близкому, да и то ради того, чтобы лучше понять всю силу и жизненность ленинского кооперативного плана.

...Спокойно и деловито октябрьское утро. Над влажными осенними полями, над мокрыми от ночного дождя крышами ферм, над тихими деревенскими улицами низко нависли облака. Неслышно роняет пожелтевшие листья клен в сельском парке. С молочнотоварной фермы, куда уже поставлен на зимовку скот, один за другим вырывают на асфальтированную дорогу молоковозы, сердито урчат, вздрагивают и мчатся мимо притихшей лесополосы в Кирсанов. Вслед за ними откуда-то с берегов еле видимой родниковой речушки по имени Ира показывается еще одна машина — третья бригада отправляет государству последние центнеры свеклы, перекрывая тем самым план-заказ государства. На центральной колхозной усадьбе, теперь уже в разросшемся поселке Ленинском, начинается свой очередной учебный день средняя школа: у двухэтажного здания звенят ребячьи голоса. По главной улице на строительную площадку идут каменщики. Из переулка, скрытого за густой чащей деревьев, быстро выходят две женщины-трактористки, они торопятся на машинный двор...

У подъезда нового, в два этажа, здания конторы правления остановилась забрызганная грязью «Волга». В поселке уже давно привыкли к машинам с разными номерами. Редкий день здесь нет гостя из соседних районов, Кирсанова или Тамбова, а то и из Москвы. Когда у председателя колхоза Анатолия Павловича Повалева, совсем еще молодого человека, не предвидится безотлагательных дел, он радушно встречает каждого, кто постучится в двери его кабинета. А сегодня у него плотный день, на листке календаря намечено для исполнения десять пунктов, но вот еле успел он разобрать накопившиеся за вчерашний день бумаги, а на пороге уже стоит, улыбаясь, Николай Федорович Оглоблин, второй секретарь горкома партии. Председатель глубоко уважает этого простого и добродушного человека, всегда открытого и ясного, знает, что не придет он с пустяками, но все же вздыхает, с тоской смотрит в окно.

— Куда собрались, Анатолий Павлович? — спрашивает Оглоблин.

— На зябь хотел взглянуть, озимые осмотреть, пока снег не лег, мало ли дел!

— Ну вот и чудесно! — подхватил Николай Федорович. — Я тоже собирался сделать предзимнее обозрение ваших полей, в бригадах побывать. А пока мы будем в пути, попросите, пожалуйста, специалистов подготовить итоговую статистику. Помните, мы условились? За всю восьмую пятилетку. С шестьдесят шестого по семидесятый год включительно. Урожайи с гектара, валовые сборы зерна, пропашных и технических культур, обязательно — сколько продано государству, какие сдвиги на фермах и все прочее, по годам. Они знают, что в подобных случаях подлежит анализу. Вернемся — пораскинем умом, как прожили пять лет, куда шагнули, где оступились...

— Добро! — кивнул Повалев и быстро вышел в соседнюю комнату.

Ничего чрезвычайного в районе, конечно, не случилось. Шли последние месяцы восьмой пятилетки, приближались отчетно-выборные партийные собрания, конференции, очередной съезд партии. И в Кирсанове решили оглянуться на пройденный путь, пристальнее посмотреть, до какой отметки дошло каждое хозяйство, в чем преуспело, где тормоз, каковы перспективы. С этой целью первый секретарь горкома Иван Матвеевич Селиверов выехал рано утром во Второе Пересыпкино, в «Победу», заведующий сельскохозяйственным отделом — в Суходол, а второй секретарь — сюда, в это старое коллективное хозяйство, все время идущее в ногу со временем.

Дорога в поселок Серпы и дальше на поля второй комплексной бригады оказалась довольно трудной. Разбухший от осенних дождей жирный чернозем, заполненные грязной водой низины, проселок, развороченный тракторными гусеницами, — все это осложняло

поездку, но колхозный шофер, привычно маневрируя, уверенно вел «газик». За косогором взору путников открылись просторы полевого края. Прямо у дороги в легкой осенней дымке лежал, уходя к горизонту, прекрасно разделанный клин августовской зяби.

— Смотрите, Николай Федорович, культура какая, — не скрывая радости, начал председатель.

— Удобрляли?

— По три тонны навоза на гектар. Под яровые весной внесем аммиачную воду.

Оглоблин знал серповского бригадира как дельного организатора, высоко ставящего земледельческий труд. Все же спросил:

— Как Девятков работает?

— Алексей Алексеевич? На своем месте человек, каждый скажет. Образование у него, правда, не бог весть какое, всего семь классов, но, знаете, он всю жизнь учился вот здесь, на полях, а это, я убедился, не хуже академии. Правда, опыт практиков дорого нам стоит. Чтобы его накопить, требуются, ого! Годы! Человек идет к совершенству через промахи, учится на собственных ошибках. И тем не менее все окупается. Знающий дело колхозник нам нужен так же, как и агроном или зоотехник. Девяткова мы уважаем за практическую сметку и за то, что не глух он к новому. А потом, у него ведь замечательный помощник по технике Иван Гаврилович Подковырин. Помните, выступал на собрании? Ой, любит машину! Ему сейчас тридцать шесть, а он ведь с малых лет все у трактора да у комбайна.

Оглоблин смотрел на председателя и думал: «Молодец, что ценит практиков. Жизнь его учит...» Согласился:

— Сочетание удачное: бригадир любит землю, помощник — технику. Увлечения их сходятся вот тут, на этих полях. И получается дело.

Они стояли на обочине дороги, у лугового пригорка. Облака редели, сквозь них пробивалось далекое солнце. Легкий ветерок заметно потеплел. Председатель снял кепку, шагнул в мягкий край зяби.

— Севообороты не нарушаете? — спросил Оглоблин. Анатолий Павлович улыбнулся.

— Три десятилетия толковали о севооборотах и три десятилетия ломали их. А почему? Причин не счесть, но заглавная, по-моему, вот: не было твердых на ряд лет планов поставок государству продукции, без нужды менялись установки в земледелии. Семь лет назад колхоз наш распахал восемьсот гектаров трав. По какому закону? Какой может быть севооборот без трав и как без них развивать животноводство? Хорошо, что в эту пятилетку устоялось дело.

— Сколько у вас пашни-то? — решил уточнить секретарь горкома.

— Без малого четыре тысячи гектаров.

— А под зерном?

— Больше половины. А если прибавить четыреста с лишним гектаров посевов проса, гречихи, гороха, вики, то получается, что зернобобовыми занято почти две с половиной тысячи гектаров. Более одной трети посевных площадей — под кормовыми культурами.

— Многолетних трав?

— Шестьсот пятьдесят гектаров.

Председатель вынул из бокового кармана записную книжку, и они стали по косточкам разбирать структуру посевных площадей. О, колхоз строго блюдет государственные интересы! Твердые планы продажи продуктов полеводства стали для него первейшим законом. И поэтому он сеет на своих землях все, что ждет от него страна.

Кроме пшеничных и ржаных нив, овсов, проса, гречки, гороха, на полях его летом зеленеют, цветут, вызревают свекла и подсолнечник, картофель и овощи. Обременительное занятие — овощи. Но откуда же взяться в магазинах помидорам, огурцам, капусте, луку, моркови, если их перестанут возделывать колхозы и совхозы? Три года назад колхозный огород занимал тридцать гектаров, теперь — пятьдесят пять. Не местный же интерес блюсти, есть в жизни цели и поважнее!

— Ведь чем хорош твердый план? — горячо заговорил председатель. — Тем, что заставляет думать о рациональном использовании земли. Семь раз примерь, лишь тогда скажи: вот такой быть структуре посевных площадей. При этом помним не только об обязательных планах — это безоговорочно! Планируем посевы с таким расчетом, чтобы обеспечить активное участие в сверхплановой продаже государству продуктов сельского хозяйства.

— Так и должно быть, — поддержал Николай Федорович, приглашая Поваляева в машину.

Дальше путь их лежал на поля третьей бригады. Миновав уютные домики с голубыми ставнями на сельской окраине, они выбрались на большак, свернули на еле приметную дорогу, по которой летом возили зерно от комбайнов, и остановились у большого изумрудного квадрата озимой пшеницы. Сердце Поваляева замерло. Агроном по образованию, он лучше других понимал, какой беды избежал колхоз у финиша пятилетки.

Весна и лето семидесятого года в этом уголке полевой России выдалась на редкость сухими и ветреными. Последний весенний дождь выпал в первых числах мая, а потом до половины августа стояла сушь. Земля покрылась серой затвердевшей коркой, потрескалась, образовав изломы щелей, в которые проходил кулак. Толстые слои коричневой пыли покрывали дороги, тучей окутывали улицы.

Пшеница и рожь с весны быстро набирали силу, колено за коленом шли в рост, а в первый же месяц лета замедлили развитие, трудно колосились и цвели, еще труднее наливались. Не возделай колхоз по всем агрономическим правилам почву, посея кое-какими семенами, без любви — не устоять бы посевам. А тут устояли. Выжили за счет высокой культуры земледелия и удобрений.

Но, наверно, правильно говорят, одна беда не ходит.

Подоспела пора сеять озимые, а иссохшая почва будто не подавала признаков жизни. Как класть в нее семя? Бригадиры колебались: сеять или подождать? Сеять? Но какой прок, если семена лягут в иссохшую почву? Попробовали тронуть рано вспаханные занятые пары. Ого! Правильная обработка их помогла сохранить запас влаги. По ним-то в первую голову и начали сев. В почву вместе с аммиачной водой легли семена первого класса. Сверх ожидания через две недели на озимых полях четко обозначились ровные строки всходов. Как раз в эти тревожные дни брызнули первые капли долгожданной влаги, а в конце недели прогремел гром, пошел спорый теплый дождь. Агрономы, наблюдая за озимыми, улыбались: узел кущения завязывается прочно...

И вот теперь, когда, распушившись, ровные темно-зеленые всходы сплошным ковром покрыли землю, председатель уже не первый раз смотрел, всюду ли хороша озимь, каждый ли ее клочок уйдет под снег окрепшим? Вымерзание посевов, особенно в малоснежные зимы, стало явлением далеко не редким, и это волновало его. Если он замечал где-то в ложбинке или, наоборот, на склоне участка бледность, характерную желтизну озимых, отмечал то место на карте полей: ранней весной, чуть отойдет ледяная корка, зеленыя получают здесь минеральную подкормку.

Анатолий Павлович стремился к точности агрономического зрения, смотрел, что есть сегодня и что должно быть завтра. Как бы желая подтвердить это, сказал мечтательно:

— Я более всего весну люблю. Такая благодать в полях и лугах — уму непостижимо! «Природа нам дает таинственный урок...» Забыл, кто это сказал, но это верно. Природа — наш постоянный учитель.

На обратном пути они заехали на молочнотоварную ферму, долго беседовали с доярками и в полдень вернулись в контору. На столе лежал большой лист бумаги с множеством цифровых колонок.

И секретарь горкома, и председатель давно привыкли измерять труд земледельца главной мерой — сколько продукции взято с каждого гектара земли. Лишь динамика урожайности позволяет судить о росте культуры полеводства. И поэтому искали именно эту строку в обширной сводке.

Что ж, за пятилетку колхоз сделал заметный шаг вперед. Урожайность зерновых поднялась с 15,3 центнера с гектара до 19,3,

причем в 1969 году она достигла 21 центнера. Значит, есть еще большие резервы.

— Вы, Анатолий Павлович, в каком году стали главным агрономом в колхозе?

— Август шестьдесят шестого.

— Первый год заканчивающейся пятилетки. Отлично. Приехали, конечно, с дипломом. А это — ваш второй диплом, своего рода аттестат зрелости! — Оглоблин положил на стол сводку и хлопнул по ней широкой ладонью.

Поваляев назубок знал цифры. За годы восьмой пятилетки урожайность зерновых повысилась в колхозе на четыре центнера с гектара. И в семидесятом году зерна собрали больше, чем намечалось по плану, но, к сожалению, меньше предыдущего года.

— Да, четыре года шли в гору. А тут неожиданно небольшой тормоз вышел...

В памяти его всплыл документ из истории коммуны, который хранится в архиве Тамбовского обкома КПСС. На тех же землях в условиях уже коллективного хозяйства, когда почва обрабатывалась лучше, чем у единоличников, в 1924 году здесь уродилось ржи 67 пудов с гектара, озимой пшеницы — 32. Во второй колонке в строчках об урожаях этих культур за 1925 год стояло одно слово: «Пропала». Пропала в тот год рожь. Ничего не дала и озимая пшеница. Причины — не стихийное бедствие, нет! «Причины, — говорилось в докладе, — сильная засоренность полей пыреем, отсутствие правильного севооборота». Далекie годы? Допустим. Но и перед войной урожайность зерновых в хозяйстве не поднималась выше восьмидесяти пудов. Даже в не столь отдаленные времена сто пудов с гектара на Тамбовщине чуть ли не потолком считали. А сегодня и сто двадцать пудов вроде бы не цифра!

— Год на год не приходится, верно! — председатель волновался. — Но не такое ныне время, чтобы брать менее двадцати центнеров с гектара. Не можем мы этого допускать, чтобы меньше. А допустили — корни обнажать надо.

Поваляев взял сведения, пробежал глазами другие цифры. Задумался.

Устойчивее всего оказались за пятилетку урожаи озимой пшеницы Мироновская 808. Двадцать четыре. Двадцать семь. Тридцать центнеров! Второе поле третьей бригады засеивал Николай Иванович Злобин, один из лучших трактористов. Каждый гектар этого поля дал в семидесятом году 38 центнеров Мироновской. Вот где резерв! Надобно расширять пшеничный клин. Да, но и ржаной хлеб люди любят. Кто же рожь сеять будет? Подумал и подчеркнул еще одну строку: «Продажа хлеба государству». Каждый год пятилетки колхоз значительно перекрывал твердые планы. А в итоге за пятилетие продал государству почти сорок тысяч центнеров зерна — два плана!

Оглоблин склонился над столом с карандашом, что-то подсчитывал. — В полеводстве сделан уверенный шаг вперед, это несомненно, — заговорил он, вставая. — Давайте посмотрим, Анатолий Павлович, что получается с животноводством.

Тут надо сказать, что колхоз имени В. И. Ленина издавна славился своим племенным стадом коров, высокой товарностью свиноводческой фермы, вниманием к овцеводству. Но прежде скота у него было меньше, а значит, и содержать его было проще. А теперь на фермах почти две тысячи коров, телок, бычков. На каждые сто гектаров сельскохозяйственных угодий приходится тридцать восемь голов крупного рогатого скота, в том числе пятнадцать дойных буренок. Есть в хозяйстве свиноводческая ферма на тысячу двести свиней, есть полуторатысячное стадо овец, есть свыше десяти тысяч голов птицы.

Все познается в сравнении. Чтобы нагляднее представить уровень производства продуктов животноводства в колхозе, председатель и секретарь обратились к годам, предшествовавшим двум съездам партии — XXIII и XXIV. Цифры подтвердили: в 1970 году хозяйство произвело значительно больше, чем в 1965 году. За пятилетку же среднегодовое производство молока возросло на одну треть, мяса — почти наполовину, яиц — удвоилось.

Нет, председатель колхоза и секретарь горкома были далеки от мысли, что продуктивность ферм достаточна. Они отлично осознавали, что до вершин далеко, а продвижение вперед идет еще медленно. Правда, фермы почти каждый январь встречали с прибавкой. Увеличиваются надои молока, привесы молодняка крупного рогатого скота, солидные доходы дает свиноводческая ферма. Однако хозяйство не использовало еще всех возможностей для крутого подъема животноводства.

Но, с другой стороны, их радовало, что колхоз уверенно выполняет свои обязательства перед государством. Каждый год он поставляет стране значительную долю продукции ферм сверх задания. В последний год восьмой пятилетки, например, план продажи государству молока выполнен на 119 процентов, мяса крупного рогатого скота — на 140, шерсти — на 166 процентов.

Нелегко, разумеется, даются такие успехи. Тучные стада — радость и надежда. Но ведь им необходимы удобные помещения, достаток кормов, внимательный уход. А этого не обеспечишь без больших хлопот и постоянных забот.

Вот и сейчас, раздумывая над итогами работы, председатель говорит заглянувшей в контору заведующей молочнотоварной фермы третьей бригады:

— Коллектив вашей фермы, Зоя Григорьевна, большое дело затеял ■ — в первый год новой пятилетки соревноваться с фермой первой бригады, дать на каждую корову не менее двух с половиной тысяч килограммов молока. Если дойдете до этой цифры, а первая ферма прибавит, думаю, на корову еще килограммов пятьсот, мы тогда будем продавать государству сверх плана не менее тридцати процентов молока.

— Кормов бы побольше, — по-деловому отозвалась Зоя Григорьевна. — Сена, силоса, корнеплодов.

— Не только кормов! И порядка на фермах побольше. И дисциплину повыше. *И уход* получше. Корова щедра для хорошей доярки, не вам говорить это. Не спорю, первая наша дума-кручина о кормах. Но ведь травы не зацветут там, где их не сеяли, Зоя Григорьевна. Ко всему надо руки приложить, ничто не дается без борьбы. Создали вот кормодобывающую бригаду, заложили культурные пастбища — и уже отдача есть.

Кто-кто, а новая заведующая молочнотоварной фермой третьей бригады Зоя Григорьевна Моюнова, «зоотехник по образованию и животновод по призванию», как ее окрестили в колхозе, с двух слов поняла злободневность вопроса, которого коснулся председатель.

Сколько ни толковали в хозяйстве о кормовой базе и повышении продуктивности скота, а пришли все же к тому, что давно подсказывала жизнь: нужны культурные долгодетные поливные пастбища. Уж где-где, а в этом колхозе сама природа создала, кажется, все условия для таких пастбищ. Как только выйдешь за околицу колхозного поселка и минуешь первую молочнотоварную ферму, глазу открывается обширная, довольно выровненная пойма реки Ира. За ней — колхозный лиственный лес с просторными полянами. Его пересекает другая река — Ворона, тоже с луговой поймой. По кромке леса то там, то сям озера. Любой клочок земли можно поливать из рядом расположенного водного источника.

И все это в двух-трех километрах от ферм.

Но... (опять это извечное «но»!) значительная часть пойм была плотно покрыта кустарником, многие низины заболочены. Где взять технику, чтобы освободить земли от кустарника, осушить их, удалить кочки, обработать? Требовалось также изрядное количество минеральных и органических удобрений, семян трав лугопастбищного назначения. Наконец, нужно было поливное оборудование.

Не в одну дверь районных и областных организаций пришлось стучаться колхозным руководителям, пока они не получили необходимых машин, минеральных удобрений, семян многолетних трав. Так или иначе, а в начале восьмой пятилетки колхоз провел коренное улучшение первых массивов (восемьдесят три гектара) заброшенных земель. С них были удалены кустарники, отведена вода. Потом почву продисковали, внесли в нее необходимое количество минеральных и органических удобрений и вспахали на глубину двадцать семь сантиметров. А летом засеяли пастбищной травой-

смесью, в которую вошли семена клевера белого, овсяницы луговой, костра безостого, эспарцета песчаного, мятлика лугового.

На следующий год хозяйство заложило еще сто семьдесят два гектара долголетних культурных пастбищ. А к концу восьмой пятилетки их в колхозе имелось уже триста двадцать пять гектаров. Они расположены на пяти участках, по границам которых проходят две реки, есть небольшие озера и пруды, а также лесные делянки.

Следует напомнить, что закладка культурных пастбищ — лишь начало большого дела. «Луговое поле» колхоза — это трудный участок производства, требующий хозяйских глаз и трудолюбивых рук. Травы ведь нуждаются не в меньшем внимании, чем другие культуры. Вот почему в колхозе так много заботятся о пастбищах. В первый год травы убрали на сено. Это для того, чтобы создать плотный дерновый слой и тем самым предотвратить преждевременное вытаптывание скотом луга. А когда, разбив пастбище на загонки, пустили на них скот, приступили к поливу трав. Для этого создали звено поливальщиков, возглавляемое опытными механиками-машинистами.

В распоряжении колхозников, занятых на орошаемых луговых угодьях, имеются не только дождевальные установки с насосными станциями, но и другая техника. Нужно, скажем, весной или после полива произвести боронование пастбищ — для этого в звене есть трактор Т-38 со сцепом соответствующих борон. Требуется на участок внести минеральные удобрения — на ходу два трактора ДТ-20 с суконными сеялками. Есть самоходные шасси для подвоза удобрений, две косилки с тракторами и прицепами и другая техника.

В колхозном правлении с удовлетворением отмечают, что большую работу по уходу за пастбищами и использованию их ведут опытные механизаторы В. М. Злобин, В. И. Носков и Ф. К. Хрыков. «В лугах теперь у них вся жизнь», — говорят о них. Непосредственное руководство новым участком колхозного производства возложено на агронома-мелиоратора, который занимается исключительно созданием и использованием культурных пастбищ.

Долголетние культурные поливные пастбища в поймах Иры и Вороны еще в стадии становления. Для них пока выделяется мало минеральных удобрений. Повредили им и сильные морозы бесснежной зимы 1968/69 года, потребовался дополнительный подсев лугопастбищных трав. Да и животноводы не совсем освоили организацию пастбы скота по-новому. Несмотря на это, колхоз ощутил силу поливного луга: производство кормов увеличилось значительно.

Возьмем для примера 1970 год. Каждый гектар культурного пастбища дал 360 центнеров зеленой массы, а на массивах, получивших достаточно минеральных удобрений, урожайность трав составила 420 центнеров с гектара. С мая по октябрь на пастбищах паслось и было всегда сыто все дойное стадо коров и часть молод

няка, находящегося на откорме. В среднем один гектар поливного луга кормил весь пастбищный период (полгода!) не менее трех голов скота. И не только кормил — намного повысил его продуктивность. По свидетельству заведующей первой молочнотоварной фермой Серафимы Васильевны Желтиковой надой от коровы при пастьбе на поливных лугах за пастбищный период увеличились по сравнению с 1967 годом, когда не было культурных пастбищ, вдвое. «Как перестали пасти скот по оврагам и балкам, держать его впроголодь, так и молоко пошло», — говорит она.

Не лишены интереса и такие данные. Культурные поливные пастбища позволили колхозу снизить на пять рублей себестоимость центнера молока. Уменьшились затраты и на производство зеленой массы. Специалисты подсчитали, что капиталовложения в пастбища окупятся в два-три года. Учитывая исключительную ценность культурных поливных пастбищ для повышения производства молока и мяса, колхоз наметил довести их площадь к 1975 году до четырехсот гектаров.

Да, прав председатель: травы цветут, где их сеют...

По мере того как собеседники обдумывали практику, глубже погружались в мир цифр, суммировали и сопоставляли их, вспоминали конкретные уроки какой-либо весны, лета или осени, лицо Анатолия Павловича все больше становилось задумчивым. Его увлекал вот такой анализ без лишних фраз, такое неспешное осмысливание сельскохозяйственной арифметики, но, с другой стороны, он чувствовал, что не может еще охватить своим взглядом всей картины нынешней колхозной жизни. Результаты труда, как на ладони, размышлял председатель, а извилистый путь к ним где-то теряется, его порой и не заметишь. Между тем у каждого вида продукции, как у любой заводской детали, есть своя технологическая дорога, и ее надо знать. Как рождается успех? Где ключ от победы?

Поваляев поделился своими мыслями с секретарем горкома.

— На этот вопрос не может быть однозначного ответа, — рассудил тот. — Давайте практически. Полеводство у вас развивается быстрее, чем, скажем, животноводство. Что помогает?

— Машины! — без колебаний ответил Поваляев...

Оставим на время председательский кабинет и подумаем, какое влияние оказывает на сельскохозяйственное производство техническое оснащение его.

Не только партийный работник или хозяйственный руководитель, но и любой колхозник или рабочий совхоза, когда речь пойдет о социальных переменах в нашем селе, на первое место, пожалуй, поставит механизацию крестьянского труда.

И неспроста.

Исследователи опубликовали интересные данные. До начала массовой коллективизации в тамбовской деревне одна лошадь приходилась на трех работников, один конный плуг — на пятнадцать,

одна соха — на четырех работников, а сеялка, жатка и молотилка — на пятьдесят-восемьдесят крестьянских хозяйств.

Смотришь эти цифры, и на память невольно приходит рассказ Глеба Успенского «Четверть лошади». *И* будто слышишь жалобный голос исстрадавшейся крестьянки: «То-то — кабы лошадь была!»

В деревне горевали о лошади. Про трактор-то и слышать не слышали. Даже в помещичьих хозяйствах он являлся диковинкой.

Первое слово о «стальном коне» для обнищавших полей России сказала Советская власть. «Чудеса техники должны пойти в первую голову на преобразование... наиболее отсталого производства — земледельческого», — уже в 1918 году заявил В. И. Ленин на Первом Всероссийском съезде земельных отделов, комитетов бедноты и коммун.

О механической тяге для крестьянского хозяйства стали задумываться и на местах. «Пахота является самой трудной частью с.-х. работ, и от этого зависит благосостояние целого года, — записано 21 октября 1922 года в протоколе Кирсановского уэко. — Самый насущный вопрос — это сила тяги, которую требуется немедленно пополнить... Механическая тяга, т. е. тракторы, дадут возможность поднять больше земли и лучше вспахать ее. О предпочтении трактора сохе не приходится и говорить».

Первые тракторы на Тамбовской земле появились как раз в Ир-ской коммуне. С завистью смотрели тогда крестьяне на «силу тяги» и повторяли с удивлением: «Ишь ты, все хотят переложить на машину!».

Если говорить о земледелии, оно так и вышло. Колхоз имени В. И. Ленина имеет сейчас почти сто тракторов в пятнадцатисильном исчислении. В наши дни сельскому труженику не приходится «впрягать» себя в самую трудную работу — пахоту. Пласты земли поднимает трактор. Трактор тянет и сеялки. Нет никакой необходимости с невероятным напряжением сил нести четырехпудовую кучу сена, как это делали Авдей и Авдотья, о тяжелой доле которых поведал Глеб Успенский. Тракторные сенокосилки, стогометатели, «механические вилы» — разве найдешь лучших помощников на уборке сена? Не нужно утомлять себя «оттягивающей руки» косьбой хлебов. В пору страды на обширные пожелтевшие нивы выходят полтора десятка комбайнов и двенадцать широкозахватных жаток. Какая-нибудь неделя — и чисты поля. Нет нужды изнурять себя и на току, надрываться возле сортировок, грузить тяжелые мешки. Электродвигатели приводят в движение сортировки, они же подают энергию автопогрузчикам. Два десятка машин доставят зерно на заготовительные пункты и колхозные склады.

Колхозные специалисты бдительно смотрят за процессом производства каждого центнера продукции и строго подсчитывают «что почем», что в какую копеечку обходится. Они каждый год выводят «экономическую строку». И строка эта в последние годы,

особенно после мартовских решений партии, становится все весомее. Явно обозначены рост производства продукции на одного работника и увеличение продукции на один рубль производственных фондов. Увереннее повышаются процент рентабельности и прибыли от реализации продукции растениеводства и животноводства. По данным экономиста, ежегодный доход хозяйства перевалил за миллион рублей.

Спору нет, побудителями роста явились прежде всего экономические меры — установление для колхозов и совхозов стабильных планов заготовок сельскохозяйственной продукции на ряд лет, повышение закупочных цен на зерно, молоко, мясо, ощутимое поощрение хозяйств за сверхплановую продажу государству «даров земли», другие экономические стимулы для сельских тружеников. Но кто же скажет, что высоких производственных показателей можно достигнуть без комплексной механизации земледелия и животноводства?

Об этом и вели речь председатель колхоза и секретарь горкома.

Не за горами время, когда на колхозные поля придут тракторы повышенного качества и новых конструкций. Из Харькова механизаторы ожидают мощный Т-150, из Челябинска — Т-130, из Минска — более совершенные пропашные МТЗ-80. Зашумят на полях высокопроизводительные комбайны «Нива» и «Колос». С помощью большегрузных машин ускорится внесение в почву минеральных и органических удобрений.

Все это будет в годы новой пятилетки. Однако какой бы техникой хозяйство ни располагало, она сильна лишь в умелых руках. Любая машина подчиняется людскому разуму и людской воле. Человек отвечает за бережное отношение к машине и правильное использование ее. Памятуя эти истину, в колхозе никогда не забывали о подготовке квалифицированных кадров механизаторов — золотого фонда хозяйства, но в последнее время обращают на эту сторону производственной жизни особое внимание. «Если мы хотим выжать из техники все, что она может дать, — сказал как-то на собрании старый опытный механизатор Василий Михайлович Злобин, — у нас должно быть больше трактористов, комбайнеров, шоферов, в том числе и женщин. Чтобы машина не стояла в ожидании Петра или Егора, а всегда находилась в деле. Чтобы самого ценного работника в любой час мог заменить другой». С ним согласились.

Осенью 1968 года по рекомендации горкома КПСС в колхозе открылся учебный комбинат — филиал Кирсановского сельского профессионально-технического училища. Наряду с мужчинами профессию механизатора захотели освоить часть девушек и молодых женщин. Среди них оказалась и коммунистка Галина Микунцова. Правда, обучаться тракторному делу она решила не сразу. «Жен

ское ли дело трактор? — колебалась Галина. — Ведь труд тракториста всегда считался одним из самых тяжелых».

Сомнения рассеял старейший механизатор Петр Иванович Субочев. «Напрасно сомневаетесь, — сказал он. — Машины у нас новенькие, кабины в них удобные. Да и система управления простая и легкая. Нажал на стартер — и мотор работает. Для технического ухода и ремонта есть хорошо оборудованные мастерские. Конечно, потребуется физическое напряжение, не без того, но разве женщине легче весь день работать вручную лопатой или тяпкой?»

Когда Галина Микунова подала заявление о приеме ее на курсы, к ней пришла Тамара Штыркина. Она хотя и старше Галины, а всегда прислушивается к ее мнению. «Рассуди, — теперь уже твердо сказала Микунова, — иметь за плечами специальность никогда не помешает...»

И вот уже позади шесть месяцев учебы, практика, успешный экзамен. Лучшие специалисты колхоза не жалели сил, чтобы новички овладели знаниями машины и основ агротехники. Наступила весна, и двенадцать женщин и девушек сели в кабины закрепленных за ними тракторов, выехали в поле. Прикатывали почву кольчатыми катками. Вносили удобрения на культурных пастбищах. Летом вывели на луга тракторные сенокосилки, косили травы, сгребали и стоговали сено. Пусть не у всех с первой борозды хорошо пошло дело, но все видели: умеют женщины управлять трактором, трудятся с увлечением.

Пришла осень 1969 года. Снова открыл свои двери учебный комбинат. Женщины-механизаторы стали изучать теперь комбайн. Л в группу по подготовке трактористок пришли еще восемнадцать молодых колхозниц.

К весне шеренга трактористок пополнилась. Многие из них захотели работать рядом, чтобы чувствовать плечо подруги. Так в колхозе возникла мысль о создании женской тракторной бригады.

Правление и партийный комитет поддержали почин энтузиасток. В бригаду вошли двадцать три трактористки. Самой старшей из них сорок два года, самой младшей — двадцать. Восемь девушек, овладевших машиной, в разные годы окончили местную среднюю школу. Три члена партии, четыре комсомолки. Бригаду разбили на четыре звена и поручили им одно из важнейших дел — возделывание кормовых культур и работы на культурных пастбищах.

Первое звено возглавила тридцатилетняя Анна Михеева. У нее среднее образование, прочные знания техники, высоко развитое чувство долга. Во втором звене правофланговой стала член КПСС Галина Микунова, всегда энергичная и исполнительная. Комсомолка Надежда Ломовцева, не так давно окончившая среднюю школу и прилежно занимавшаяся на курсах трактористов, была выделена старшей в третьем звене, а Раиса Федотова — в четвертом.

День смотра готовности женской бригады к севу стал трудовым праздником всего коллектива. Трактористки в разноцветных платках и рабочей одежде, счастливые и гордые, сидели в кабинах машин, озаренных вешним солнцем. Люди понимали, как прекрасен этот светлый момент в биографии колхозниц. Но, радуясь, все видели в этом факте и другое: лицо нашего советского времени, счастливую долю русской крестьянки.

Нет, нет, ошибается тот, кто подумает, что, сев за руль трактора, каждая труженица сразу пришла к победному финишу. Работа на машине — не праздник цветов. Это сложный, напряженный труд, и не у всех он с первых же дней протекал без каких-либо препятствий. У некоторых выяснились пробелы в знании мотора; много времени отнимал технический уход за машинами, а ведь почти у всех трактористок — семьи, дети, приусадебное хозяйство. Нелегко было сочетать труд с домашними заботами.

Видя это, правление колхоза позаботилось о создании необходимых условий для работы женской бригады. Трактористки стали трудиться в две смены. Они были заняты теперь в поле не весь световой день, а семь часов. Если не с кем оставить ребенка, мать отдавала его в детский сад или ясли. В бригаду выделили квалифицированного слесаря-наладчика, а трактористу высокого класса Петру Ивановичу Субочеву поручили обязанности своеобразного шефа-наставника.

На всех работах, которые поручались бригаде, женщины показали себя неутомимыми труженицами. Почти все они перекрывали нормы выработки и строго соблюдали агротехнические правила. У Райсы Федотовой трое детей, но она не пропустила ни одной смены. И другие не отставали от мужчин. Вот что рассказывает Галина Микунова:

«В том, что женщины могут работать не хуже мужчин, мы не сомневаемся. Весной прошлого года в нашем районе проходили соревнования пахарей. Всем на удивление первое место заняла Надежда Дмитриевна Ломовцева. Кое-кто воспринял это с иронической улыбкой. Мол, работу женщин оценивали с определенной скидкой, чтобы поддерживать в них боевой дух. Но мы-то знаем, что это не так. Многие женщины, действительно, стали мастерами-механизаторами. И та же Надежда Дмитриевна доказала это: на областных соревнованиях заняла четвертое место...»

Высокой производительностью и хорошим качеством отличался труд на полях и лугах Галины Микуновой и Тамары Штыркиной, работавших на тракторе ДТ-20. Это подтверждает и их заработная плата. Среднемесячный заработок Тамары Федоровны — 184, а Галины Ивановны — 194 рубля.

Вполне очевидные успехи окрылили и вдохновили женщин-трактористок. Работая не жалея сил, они считают делом своей чести создание в колхозе прочной кормовой базы животноводства.

Казалось бы, будничный факт. Но он приобретает большую значимость в связи с дальнейшим укреплением материально-технической базы сельского хозяйства. И вполне понятна та заинтересованность, с которой со всех сторон рассматривали эту проблему («Человек и машина») партийный работник и хозяйственный руководитель.

Поскольку мы заговорили об укреплении материально-технической базы колхоза, откроем еще одну характерную страницу его нынешней жизни. Один из местных старожилов назвал эту страницу «капитальным делом», ибо никогда в хозяйстве так смело не разворачивали строительство, как в последнее пятилетие.

— Время такое, — объяснил он. — Крыша нужна не одному человеку. Машине нужна, скоту нужна, зерну нужна.

— Но разве прежде она не требовалась?

— Масштабы были не те. Всему свое время.

Да, действительно, всему свое время, всякому дню своя забота. Когда в коммуне насчитывалось, скажем, пять тракторов, их можно было ставить и в простой сарай. Свыше ста тракторов, комбайнов, автомашин требуют уже более надежной крыши. Не было минеральных удобрений, не думали и о складах для них. А фермы? Одно дело разместить в них сотни голов скота, другое — тысячи.

Годы — не века, однако по списку новостроек последних лет, как по географическому атласу, можно читать, какой в колхозе «климат», где сосредоточены экономические «гнезда», в каких пунктах сходятся хозяйственные и культурно-бытовые нити.

Познакомимся с итогами строительной пятилетки колхоза.

Годы	Что построено	Стоимость строительства (руб.)
1966		52 818
		10 275
	Коровник на 134 головы Два телятника на 120 голов	25 663
	Зернохранилище на 800 тонн Сушильное помещение	5 000
1967	Санитарная бойня	3 241
	Механическая мастерская и автогараж	106 283
	Телятник на летнем базу на 40 голов	2 490
	Птичник на 5 тыс. голов	40 000
	Овчарня на 750 голов	15 000
	Линия электропередачи на 8 км	8313
	Два полевых стана	10652
	Баня в с. Ира на 10 мест	11 209
Домик для народного музея	5 129	
1968		26 175
	Склад минеральных удобрений на 3 тыс. тонн Два омшаника на 500 пчелосемей	10 000
	Жилой дом для специалистов в пос. Серпы	8 687
	Водопровод протяженностью 8 км	6 676

Продолжение

Годы	Что построено	Стоимость строительства (руб.)
1969	Баня в пос. Серпы на 10 мест	14 231
	Комбинат бытового обслуживания	5 469
	Гараж для тракторов в бригаде № 2	7 500
	Нефтебаза на 275 м ³	23 995
	Зернохранилище на 500 тонн	10 653
	Зернохранилище на мельнице на 800 тонн	69 691
	Культурные пастбища	9 090
	Машинный двор	2 200
	Телятник для нетелей на 80 голов	18 597
	Жилой 6-квартирный дом на центральной усадьбе	18819
	Детский сад в с. Ира на 50 мест	40217
	Красный уголок в бригаде № 2	2 500
	Два моста через реку Ира	5 120
	Благоустроенные дороги на центральной усадьбе	17 000
1970	Пункт искусственного осеменения животных	5 600
	Овчарня на 750 голов	5 000
	Новые электролинии	23 323
	Контора правления колхоза	46 850
	Дом культуры на 400 мест	316 132
1967—1970	Жилые 2-квартирные дома, 12 шт.	175 730
	Произведен ремонт животноводческих помещений	31 000
	Произведен капитальный ремонт жилых домов колхозников	8 000

Раздумывая над этой «картой», можно понять особенности колхоза и его сегодняшнюю строительную политику. Колхозники живут здесь в нескольких селениях, трудятся в трех комплексных бригадах. Правление не считает пока возможным поселить всех на центральной усадьбе, а скот собрать под одну крышу, как это сделали, скажем, в колхозе «Победа» этого же района. Принаравливаясь к местным условиям, оно стремится, однако, занять людей делом круглый год. Отсюда и приближение животноводческих ферм к месту жительства людей, некая «дробность» производства. «Нам нужны промышленные комплексы по производству молока и мяса, — сказал как-то на партийном собрании колхозный свиновод. — Со временем такой комплекс будет и у нас. Но рано еще ликвидировать обыкновенную ферму. Надо сделать ее прибыльной, вот в чем суть...»

Есть тут и другая сторона дела. Многоотраслевое хозяйство требует множества различных производственных помещений. Не естественно ли, что наряду с механической мастерской, гаражами и зернохранилищами здесь возникли сушильный сарай и омшаники? Возросшая культура животноводства заставила рядом с фермой поставить помещение для пункта искусственного осеменения скота и санитарную бойню.

В списке новостроек надо бы красной чертой выделить жилые дома и здания культурно-бытового назначения. Уж один факт, что колхозу по карману затратить свыше трехсот тысяч рублей на Дом культуры, говорит о многом. Ведь, кажется, совсем недавно большой редкостью были колхозы-«миллионеры». А нынче, смотришь, ежегодный доход колхоза в десять раз больше и никто этому не удивляется. И где! Не на Кубани с ее благодатным климатом и высокоурожайными степями, не в Молдавии или Грузии с их великолепными виноградниками, а в средней полосе России, на Тамбовщине! Но суть не в этом — у нас много богатых колхозов. Суть в умении распорядиться рублем во благо человека. Не капитальное ли это, действительно, дело?

Но вернемся на второй этаж новой колхозной конторы в председательский кабинет.

В предвечерний час здесь оживленнее. Зашел к председателю его заместитель Григорий Егорович Савков, пятидесятилетний мужчина с обветренным лицом. Заглянул «на минутку» и втянулся в разговор секретарь парткома Егор Михайлович Витютнев. Присел на стул главный агроном Владимир Федорович Воронов, у которого всегда полно вопросов «для решения».

Разговор шел на важную и острую тему. В последнее время к управлению многими участками производства пришли новые работники. Знаний и энергии у них хоть отбавляй, а опыта маловато. Как подвести их ближе к практике?

— Жизнь научит, — рассудил заместитель председателя.

— Да, но когда? — поднял на него глаза секретарь парткома.

— Сроков не установишь.

— Преемственность нужна. Не на голое место пришли.

— А кто сейчас возглавляет строительную бригаду? — поинтересовался Оглоблин.

— Носаев Александр Яковлевич. Окончил инженерно-строительный институт в Воронеже.

— Пусть поживет недельку в «Победе». Посмотрит. Там хорошо строят.

Поваляев улыбнулся:

— Кто-то сказал: в молодости учатся, а в старости понимают. Когда же человеку работать?

— Я не перестану твердить: в труде надо равняться па Ивана Гавриловича Подковыряна.

— А разве не подает примера Илья Михайлович — наш «главный свинарь»? Заведовать фермой — дело, прямо скажем, трудное.

Назвав в запале еще десятка два фамилий, они дружно рассмеялись. Каждый из них отлично знал, что коллектив хозяйства крепкий, сплоченный, личный состав его — всегда в строю, всегда безотказен в труде на пользу общества. Можно ли в таком случае пересчитать всех, на кого надо равняться?

Тут мы должны задержаться и поближе познакомиться с людьми этого колхоза, с их необычной, порой трудной, но всегда интересной судьбой.

Что представляло собой население Екатериновского сельсовета в начале пути коллективного хозяйства?

Об этом мы узнаем из доклада о работе ячейки РКП (б) коммуны имени В. И. Ленина в мае 1925 года.

«Екатериновский сельсовет объединяет Екатериновку и поселок Серп — 240 домохозяйств, 1290 едоков. В деревне Екатериновке имеется 17 хозяйств зажиточных, середняков — 50 домов, бедняков — 71 дом, лошадных — 101 хозяйство, имеющих коров — 107... Остронуждающихся хозяйств — до 49... Озимые хлеба на 1 мая были очень плохие, от общего клина погибло до 65%...»

Неграмотный или полуграмотный екатериновский крестьянин знал соху да серп, редко плуг. «Как мало надо этим брадочам, чья жизнь в сплошном картофеле и хлебе!» — восклицал поэт в те годы.

Сегодня поэт так не скажет. Иная жизнь в селе, иные люди. И интересы другие. Прежде всего коллективизация коренным образом изменила характер крестьянского труда. Не с сохой и крюком, не с однолемешным плугом и лошадью имеет дело колхозник, а с машинами, механизмами, станками. Структура населения колхоза соответствует новому, социалистическому сельскохозяйственному производству. В трудовых рядах хозяйства — 57 трактористов, 25 комбайнеров, 22 шофера. В механической мастерской работают три токаря, четыре кузнеца, шесть слесарей, три электрика. Более пятидесяти колхозников овладели специальностью строителя. Любопытно, что среди работников, связанных с техникой, десятки женщин.

Много ли времени прошло, как в деревне слышали слово «электродойка»? Непривычными казались и слова «гербициды», «туки», «агрохимия». А нынче спросишь: «Кем работаете?» Отвечает: «Мастер машинного доения». Или: «Оператор промышленного откорма». К известным должностям агроном, зоотехник, механик прибавились агроном-семеновод, агроном-овощевод, агроном-химик, инженер, экономист, помпотех (помощник по технике). И все знают, какие обязанности выполняют эти работники. Нынче в хозяйстве десять специалистов имеют высшее образование.

Наше представление о структуре трудовых ресурсов колхоза будет неполным, если мы умолчим о товарищах, занятых на культурно-бытовом фронте. Их в колхозных селениях 75: учителей 37, пять работников культурно-просветительных учреждений, 22 воспитателя в детских учреждениях, врачей и медицинских сестер, 12 продавцов магазинов.

Сказать, что в хозяйстве все грамотные, мало. Из 827 трудоспособных 20 имеют высшее образование, 62 — среднее и среднее спе-

до»
КО
J
До
бог
ри!
не и
I
вел
Таi
Су-
тал

сед

его
му:
в P
на
тор

к у
бот
"

рес

тел

шо

Кoi

Таi

НЫI

сме
кре
без
пер

40

циальное, 154 — неполное среднее, остальные окончили начальную школу.

Кажется, одной статистики достаточно, чтобы представить личный состав колхоза, понять, какой счастливый жребий выпал на долю жителей Екатериновского сельсовета. Но давайте все же присядем рядом с теми, кто создает в хозяйстве материальные ценности, и получше узнаем их.

Прежде всего познакомимся с ветеранами колхозного производства, свято берегущими лучшие традиции коллектива. Работают ли они сегодня, ушли ли на заслуженный отдых — все равно душа и сердце их на передовых линиях общественного производства. Без их авторитетного слова не делается ни одно значительное дело. Их опыт, стойкость, высокое чувство долга берутся на вооружение всегда, когда надо решить сложный вопрос. На их примере учится молодежь.

Когда в 1969 году обсуждался проект нового колхозного Устава, партийный комитет колхоза в первую голову обратился к старейшим. Соображения первого поколения строителей новой деревни, для которых коллективное хозяйство стало родным домом чуть ли не полвека назад, — бывшей первоклассной доярки Антонины Ивановны Григоренко, одного из первых коммунаров Федора Митрофановича Баскакова, первого тракториста Тамбовщины Юлиана Степановича Ковалевича, организатора и председателя колхоза в селе Ира Петра Кузьмича Дмитрука, прославленного мастера высоких урожаев Корнея Евтихевича Задирако и их сотоварищей легли в основу предложений кирсановских колхозников к новому Уставу.

В другой раз, незадолго до ленинского юбилея, редакция районной газеты «Ленинец» и партком колхоза созвали кавалеров ордена Ленина — а их в колхозе двенадцать! — и попросили воскресить в памяти разные годы своей жизни, рассказать о себе и своих соратниках. Стенограмма пресс-конференции хранится в колхозе. Она интересна не для одних исследователей. Это документ о людях, воспитанных в коллективе, о их труде, взглядах, думах.

Две судьбы крестьянина вставали перед журналистами, для которых устраивалась пресс-конференция.

Первая — судьба Авдея, по прозвищу Забота, описанная И. А. Буниным. Всю жизнь поедом его ели заботы. Заботы сделали его старуху страдальцей, а его нелюдимым, от горя ко всему равнодушным. В шестьдесят семь лет, когда надо было бы и отдохнуть, обычная крестьянская нужда мучит его: продать хлеб или продать барана. Подумав неделю, Авдей решает расстаться лучше с бараном. И вот в таких заботах проходит вся его жизнь. Другой жизни ■ он не знает, и о ней в нем не пробуждается даже мысли. Живет как бы по инерции.

«— Расскажи что-нибудь интересное, что было в твоей жизни, — сказал ему однажды молодой барин.

— У меня, слава богу, ничего такого не было, — ответил Авдей. — Вот семьдесят живу, а, благодарю бога, интересного ничего не было.

...Солнце закатилось, дует холодный ветер. Авдей прикрывает барана соломой, надвигает шапку поглубже, запускает руки в рукава и мерно шагает по краю шоссе за скрипящей телегой.

Широкий старческий нос его сизеет, стынет, ветер косит седую бороду. Большие серые брови сурово сдвинуты, в потухших глазах — тоска».

Авдей, по свидетельству писателя, — «зажиточный мужик». Что же тогда за жизнь была у других задавленных нуждой, забытых, запуганных крестьян, для которых даже начальник почтового отделения — власть: «Подаеть письмо — руки-ноги трясутся!» Что же еще: нужда, обреченность, одиночество...

Кавалеры ордена Ленина — люди в возрасте. Каждый из них мог припомнить своего Авдея или поставить на его место себя. Но они говорили не столько о прошлом, сколько о настоящем. Жизнь их, как и жизнь всех односельчан, отличается не только материальной обеспеченностью. Она полна глубокого смысла, достоинства и интереса.

Место работы знатного свиновода Ильи Михайловича Никитина — ферма, которой он заведует вот уже два десятка лет. Жить делами общественного производства, радоваться хорошим опоросам, просыпаться ночью с мыслью о сохранении приплода, а потом ощущать результаты забот и хлопот своих — одно это увлекает и захватывает. Но у Ильи Михайловича есть и другие интересы. Он член правления колхоза, и поэтому его постоянно беспокоят общеколхозные проблемы. Он — член парткома и, стало быть, часто идет по знакомой дороге то на заседание комитета, то в бригадные парторганизации, чтобы посоветоваться с коммунистами, что-то выяснить, что-то решить.

На пресс-конференции Никитин говорил о ферме. Говорил просто, деловито, ясно.

— Илья Михайлович, — спросили у него, — вы награждены орденом Ленина в пятидесятом году за успехи в развитии животноводства. Ваша ферма и сейчас является одной из лучших в районе. За какие рубежи борется она в дни социалистического соревнования в честь 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина?

Илья Михайлович встал — стройный, в черном костюме и белой рубашке с праздничным галстуком.

— Рубежи эти довольно высокие. Мы решили получить по двадцать деловых поросят от каждой из восьмидесяти основных свиноматок. Прежде чем принять такое обязательство, все хорошо продумали, подсчитали резервы. Сейчас уже можно сказать, что расчеты эти правильные и что слово свое сдержим. Вот тому подтверждение. Недавно на СТФ прошли первые опоросы. Наши свинарки Лина Петровна Шмелева, Ксения Кузьминична Найдюк и Дарья Ильинична Казаненко получили от каждой закрепленной за ними свиноматки по девять деловых поросят. А Клавдия Александровна Аверьянова

получила даже больше — 195 поросят от двадцати свиноматок. В мае начинается второй опорос. А от половины свиноматок думаем получить и третий. Для этого наши свиноводы уже в подсосный период стараются случать свиноматок. Много труда кладут они и для того, чтобы сохранить всех поросят, добиться хорошего привеса. У Шмелевой отъемный вес каждого поросенка достигает более девятнадцати килограммов. Есть ли у нас трудности? Есть, конечно. Главные из них — ветхие помещения и малая механизация. Она пока сводится у нас к механизированной подвесной дороге. Есть у нас и другие неполадки. Но, несмотря на это, в прошлом году наша ферма дала сорок три тысячи рублей прибыли, в этом году постараемся увеличить ее.

Интересна и содержательна жизнь семидесятилетней Марты Степановны Кригер, мужественной женщины, имя которой вошло в историю колхозного строительства. Дочь крестьян из Волынской губернии, украинца и немки, бывшая батрачка, она одной из первых пришла в коммуну и, познав настоящую радость коллективного труда, стала вровень с передовыми людьми колхозного движения. Марта Степановна хорошо запомнила яркие вехи своей жизни и рассказала о них на пресс-конференции.

В 1935 году ее послали на Всесоюзное совещание животноводов. Она сидела в президиуме вместе с руководителями партии и правительства, беседовала с ними. Надежда Константиновна Крупская расспрашивала ее о здоровье, интересовалась работой детского колхозного сада. Однажды к ней подошел Сталин. Спросил откуда она, сказал, что слышал об их колхозе, пожелал успехов.

В конце совещания большой группе его участников Михаил Иванович Калинин вручил ордена. Тамбовская колхозница была награждена орденом Ленина. Калинин пожал руку, сказал, улыбаясь: «Вот как высоко ценит вас страна!»

Рассказывала об этом Марта Степановна живо, с увлечением.

— Посчастливилось мне быть делегатом и VIII Всесоюзного Съезда Советов. Я выступала там с речью. Считаю себя очень счастливой, говорила я на съезде, что я, крестьянка, до революции жившая в нужде, голоде и голоде, сегодня имею счастье вместе с другими делегатами утверждать наш основной закон — Конституцию страны. Я рассказала съезду об успехах нашего колхоза, о своих обязательствах, принятых на совещании животноводов. А были они такие: дать 5280 литров молока в среднем на одну дойную корову и 700 граммов среднесуточного привеса на одного теленка. Чтобы выполнить их, нам приходилось очень много работать. Но люди не жаловались, дисциплину труда не считали в тягость. Старались, не потому что боялись председателя или кого другого. Просто не могли, совесть не давала по-другому работать. Коровы были у нас всегда чистые, их ежедневно мыли и скребли щеткой, кормили и доили вовремя. И они за такую заботу платили сторицей. И теперь много у нас хороших колхозников. Только есть и такие, что работу свою и дисциплину не любят. Иной раз зайду на ферму, смотрю — три-четыре коровы стоят грязные, а то и недоенные. Сейчас в колхозе стали больше говорить о сознании, о чести колхозника. Это правильно. Ведь теперь до

коммунизма гораздо ближе, чем в 1920—1930 годы, когда мы только создавали хозяйство, укрепляли его. Если бы все люди честно трудились, то все были бы богаты и счастливы...

С места встала женщина с приветливым лицом. Загрубелыми от долгого труда пальцами поправила белый платок и сказала просто:

— Биография моя самая обычная. Родилась в девятьсот тринадцатом году в семье чуповского крестьянина и всю жизнь занимаюсь крестьянским трудом...

Это Матрена Григорьевна Можарова, Герой Социалистического Труда. Она тридцатый год работает на одной и той же ферме все время телятницей, любит свое дело — будничное, трудное. И хотя ее заслушаешься, когда начнет рассказывать «про жизнь», здесь она суха и деловита.

— В группе у меня в среднем было по 30—35 телят и от каждого из них получала в сутки более 700 граммов привеса. Случаи падежа телят были очень редки, а за последние годы и вовсе их не помню. Стоило это, само собой, много труда и забот. Только что же говорить о том: работала, как совесть велела... Думала ли о награде? Нет, конечно. А когда узнала о ней — растерялась и обрадовалась. Все поздравляют, а я не знаю, что и сказать. Почет большой. Стараюсь оправдать высокую награду. Работу в колхозе не оставляю. Только в феврале на месяц ездила отдыхать в сочинский санаторий. Путевку туда мне давал колхоз бесплатно. А вернулась — опять за работу. Сейчас у меня 31 теленок. Думаю в честь 100-летия со дня рождения Ленина снова получать привесы не менее 700 граммов в сутки. В апреле добилась семисот восьми.

Ничего, казалось бы, не совершила выдающегося Матрена Можарова, но ее знает вся Тамбовщина. Потому что героический труд и на посту телятницы открывает двери к почету и славе.

У каждого колхозного ветерана были, конечно, в жизни свои радости и горести, но пути людей неизбежно сходились в одном главном пункте — на трудовом перекрестке. В труде на благо общества черпали они удовлетворение, в труде находили душевный покой, в труде обретали счастье. К честному самоотверженному труду они приобщали и молодое поколение, как эстафету передавая

ему свои навыки и свой опыт, свою увлеченность делом в коллективе — священной обязанностью всех и каждого.

Среди других живет и трудится в этом колхозе Павел Николаевич Фокин, «крупный советский фермер», как его назвал в свое время один американский журналист.

О Фокине следует рассказать подробнее, потому что правильно сказано: не тот большую жизнь прожил, кому много лет, а тот, кто много сделал.

У Фокин сделал для колхоза много.

Он родился в крестьянской семье в 1909 году, к началу массовой коллективизации закончил Тамбовский зоотехникум и, приехав в колхоз имени В. И. Ленина, стал работать по специальности, а затем заместителем председателя. В военную пору его поставили во главе хозяйства, и он повел дело с редкой уверенностью и целеустремленностью.

Хроника тех тревожных лет свидетельствует, что колхоз смело выходил на огневые рубежи. На пятый день войны колхозники, собравшись на лужайке возле конторы правления, поклялись, что всеми силами будут укреплять тыл и помогать фронту. Верные своему слову, они систематически поставляли стране хлеб, сало, овощи, мед для раненых бойцов, собирали для фронта теплую одежду. Из собственных средств выделили свыше трехсот тысяч рублей на строительство танковой колонны «Тамбовский колхозник».

После войны, когда жизнь снова стала входить в свои берега, Павел Николаевич сказал на собрании: «Дисциплина, сплоченность, товарищество—вот наше оружие и сегодня. Не растеряем того, что завоевано!»

Уже несколько лет шел председатель одной дорогой с колхозниками, ел с ними один трудный хлеб, жизнь их стала частью его собственной жизни, и он, как бы потеплев, щедрее стал на душевное слово и не так скупился, когда кому-либо требовалась помощь. Приехав с летним рассветом в поле или заглянув в час дойки на ферму, он хозяйским взглядом смотрел, как идет дело, и не забывал поговорить с людьми «по семейному поводу». Одного спросит, как идет строительство дома и, узнав о заминке, скажет: «Вот закончим жатву, зайди. Что-нибудь обмозгуем». У другого узнает, запаса ли топлива. К третьему подсядет в кабину трактора или машины и заведет разговор о детях. А то неожиданно спросит: «Как ты думаешь, если расширить клин яровой пшеницы?»

Как-то в пасмурный апрельский день председатель приехал на стан третьей бригады, где сеяли овес, и услышал шум: бригадир резко отчитывал тракториста. Когда тракторист ушел, Павел Николаевич спросил: «За что ты его?» Бригадир удивился: «Как за что? Гонит одни гектары, а качество вроде его и не касается». «Вчера как он сеял?» — допытывался председатель. «Нормально!»

«Ну вот, значит, чем-то выбит из колеи. Чем горлом брать, спросил бы по-человечески, в чем дело. Добром-то оно лучше...»

Часто он советовал подчиненным:

- Будь справедлив;
- Старайся понять человека;
- Требуй, но не груби.

...Хозяйство крепло, богатело. Зашумели полезащитные лесополосы, оберегая от ветров пшеничные разливы. На лугах паслись стада коров и телят краснотамбовской породы — ее вывели мастера животноводства при горячем участии Фокина. В степных просторах появлялись новые домики полевых станов. Председатель, приехав на стан, вместе с трактористами садился за обеденный стол, чтобы отведать борща, приготовленного бригадной поварихой. П, пообедав, тут же считал, в какую цену обойдется колхозу механизированный ток, сколько сэкономит хозяйство, если сразу же, в сенокосную пору, поставит скирды не на лугах, а возле ферм и сюда же подвезет солому.

Родина высоко оценила заслуги Павла Николаевича Фокина. В 1947 году (а потом еще на два созыва) его избирают депутатом Верховного Совета РСФСР, а спустя три года награждают орденом Ленина. Достижения коллектива демонстрируются на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке, в этом университете миллионов. Диплом первой степени, легковая и грузовая автомашины, автопоилка ПА-1 — таковы были награды хозяйству. А председатель получил в те дни Большую золотую медаль и легковую автомашину «Победа», За успехи на полях и фермах десятки колхозников были награждены золотыми и серебряными медалями, получили премии.

И в последующие годы, особенно после мартовских решений партии, Фокин не жалел сил для общественного хозяйства. Его захватывают теперь экономические проблемы — введение хозрасчета, денежная оплата труда, затраты на производство единицы продукции. К привычным маршрутам председателя прибавляются новые. Колхоз много строит — и Фокин появляется на строительных площадках. Колхозу поступают минеральные удобрения — и Павел Николаевич едет на железнодорожный узел или на склады. В Кирсанове созывают экономическую конференцию — надо выступить...

Но, увы, время неумолимо. Павлу Николаевичу исполнилось шестьдесят лет. Более четверти века у колхозного руля! Легко ли? Здоровье ухудшилось, особенно плохо стало со зрением. Все сложнее становилось поспевать за жизнью. А это не могло не отражаться на хозяйстве. Нет, колхоз не отставал. Но возможности позволяли идти ему в гору быстрее, а он, наоборот, замедлял ход.

Колхозники понимали это, задумывались: и с Фокиным жаль расставаться, и завтрашний день надо чувствовать. Не раз возникал об этом разговор в парткоме. Советовались с Фокиным. «Решайте, — отвечал он. — Я коммунист...»

В партийном комитете обсуждали, кого рекомендовать председателем. После долгих суждений выбор пал на агронома Поваляева...

Анатолий Павлович Повалиев родился в канун Отечественной войны. Рос, учился и начал трудовой путь в родных местах, живя под отчим кровом в небольшой деревушке Кухтовке Тульской области. Отслужив в армии, поступил в плодоовощной институт имени Мичурина на агрофак. Спустя два года его избрали секретарем комитета комсомола института. Дальше пришлось продолжать учебу заочно. Комсомольская работа отнимала много времени и сил, но она же требовала: «Учись!» И он шел наперекор трудностям. В том же институте не расставалась с книгами бывшая свинарка колхоза имени Ленина Зинаида Лосева, колхозная степендиатка. Они поженились. Через два года после брака свинарка возвращалась в свой колхоз уже не одна. Ее сопровождал муж с дипломом агронома.

Не успел Анатолий Павлович как следует осмотреться в хозяйстве, как его назначили главным агрономом колхоза, «капитаном земли». Шла жатва. Дни стояли тревожные. Ветер, сушь, дождь — все смешалось. Потом улеглось.

Свой рабочий день Поваляев начинал ранним росистым утром в поле вместе с комбайнерами и трактористами. В эту пору всегда завязывается крепкий узел полевых работ — уборка хлебов, культивация паров, сев озимых, подъем зяби. Пришлось похлопотать и поволноваться, чтобы наладить августовский конвейер. Когда не клеилось, он шел к Фокину: «Как быть, Павел Николаевич?» Тот пристально смотрел на него сквозь толстые очки, устало вздыхал: «Подумай...»

Так начались его агрономические будни.

Колхозники повидали в хозяйстве не одного агронома. Знали крепких, дельных, с самостоятельным взглядом на свои обязанности. Встречались и слабые, как в поле былинки, гнущиеся под ветром жизни. В Поваляеве они прежде всего разглядели сердцевины; землелюб! Не оторвешь от поля, всеми корнями ушел в него! Горяч, но не дает советы с ходу. Подумает, иногда подсчитает что-то, а потом скажет. Не терпит шаблона. В канун сева бригадиры заспорили о нормах высева семян. Главный агроном остановил их. Не решайте, говорит, огулом. Любой культуре — свое питание и свое воспитание. Даже к каждому сорту, скажем, пшеницы или овса нужен свой подход.

Решался ли вопрос о структуре посевных площадей, пахота ли шла, сев ли или обработка посевов, вносились ли в почву минеральные удобрения или возникал спор о сроках полевых работ — люди прислушивались к его голосу. Как скажет, так и делали.

С первых же шагов работы Анатолий Павлович обратил внимание на то, что общественное животноводство не обеспечивается кор

мами. «Смотрите, что получается, — сказал он на заседании правления. — Фермы полны скота, для него сено нужно, а под травами у нас какие-нибудь две сотни гектаров». У него иронически спросили: «Прикажите сократить зерновые?» На это Поваляев ответил, что ясно пока одно: надо увеличивать производство кормов, а за счет чего — придется подумать. Потеснить, например, малоурожайные культуры. А главный упор — на повышение урожайности. Каждый гектар многолетних трав должен прокормить сеном три-четыре коровы — вот цель, к которой следует стремиться. Пора подсчитать, сколько сеять свеклы, все равно еле управляемся с ней. «Не торопись!» — возразили ему. «Я не тороплюсь, скот не ждет... Если мы за единицу измерения возьмем не гектар, а центнер продукции, выход найдется».

Вскоре многолетних и однолетних трав в колхозе стало в два раза больше. Сократили кое-какие культуры, а валовые сборы продукции не уменьшились.

Прошло два с половиной года. В колхозе весело встретили новый, 1969 год, а через месяц, в завьюженный день февраля, Анатолия Павловича пригласили в горком КПСС. Первый секретарь Иван Матвеевич Селиверов долго говорил с ним о колхозе.

— У этого хозяйства героическая биография, адрес его известен всей стране и за рубежами Родины. Разве не большая честь молодому агроному возглавлять такой колхоз?

— Справлюсь ли? — тихо спросил Поваляев.

Селиверов, молча, посмотрел на агронома. Сегодня он показался ему совсем мальчишкой. Улыбнулся.

— Первому председателю Ирской коммуны, прародительницы вашего колхоза, Карпу Григорьевичу Богданову было, если не ошибаюсь, тридцать пять. Но ведь он взялся руководить хозяйством, в котором не было ни кола ни двора. И, главное, никто не знал, как надо вести коллективно дело. Ведь опыта-то тогда — никакого! Бросился в воду и учись плавать. И, представьте, не боялся Карп Богданов трудностей... — голос секретаря звучал спокойно, уверенно, и это ободряло Анатолия Павловича.

— Вам двадцать девять, вас учили, как надо вести крупное современное хозяйство, и опыт уже есть, вы примете хорошо налаженный, богатый колхоз. Справитесь, справитесь! Если, конечно, соблюдете одно условие — правильно поймете свою роль и будете опираться на партийную организацию. Не забывайте: в вашем колхозе почти две сотни коммунистов. Сила! Больше прислушивайтесь к людям, советуйтесь с ними. Хозяин-то в колхозе не председатель, а колхозники...

Селиверов встал, протянул Поваляеву руку.

В ту пору секретарем колхозного парткома был Владимир Степанович Дерибизов. За многие годы работы на партийной ниве он убедился: тяжела председательская ноша, а для молодого руково

дителя — вдвойне. Поэтому на второй же день после колхозного собрания, где Поваляева избрали председателем, зашел к нему, сказал, что партком приступает к проверке первичной партийной организации работников животноводства: посмотри, мол, фермы, внеси свои предложения.

Анатолий Павлович, будучи агрономом, знал состояние животноводства лишь в общих чертах. Все его рабочее время поглощало полеводство. Теперь нужно было вникать во все отрасли хозяйства.

Кажется, никогда не забыть Поваляеву первого года на председательском посту.

Зимним утром он заглянул на свиноварную ферму. И порадовался. Люди на своих местах, все заняты своим будничным делом. Во всем видна деловитость заведующего фермой, или «главного свинаря», как его зовут здесь, коммуниста Ильи Михайловича Никитина. Ему за пятьдесят, но он энергичен, поддерживает в коллективе строгую дисциплину, внимателен к свинаркам. «Расскажет обо всем, покажет, как делать, — отзывались о нем колхозницы. — И спросит, и похвалит, и о новостях расскажет. Золото, а не человек!»

Не торопился председатель, смотрел все как есть и на молочно-товарной ферме села Ира. И почувствовал другой настрой. Скотник под хмельком. Корм свален у ворот, мокнет. Доярки не знают, у кого какой надой за месяц. «Соревнуетесь?» — спросил председатель. Ему ответили: «Обязательства вывешены».

Вечером он рассказал о своих наблюдениях Дерибизову. Договорились рассмотреть вопрос о развитии общественного животноводства на заседании парткома.

Коммунисты близко к сердцу приняли решение партийного комитета. Многие просили послать их на фермы. Им шли навстречу. В числе скотников вместо четырех стало восемь партийцев, некоторые члены КПСС пошли работать доярками. По рекомендации парткома бывший председатель колхоза Павел Николаевич Фокин, имеющий зоотехническое образование, стал работать главным зоотехником.

Среди работников животноводства теперь насчитывалось 65 коммунистов. С каждого требовали: действуй личным примером! Впереди других шла член партии доярка Зинаида Серповская. Коммунисты избрали ее секретарем парторганизации бригады. В красных уголках ферм чаще стали появляться объявления: «Сегодня в 20.00 состоится собрание партийной группы. Повестка дня: отчет члена КПСС свинарки А. П. Шмелевой...»

Творческое беспокойство и требовательность коммунистов передавались во все службы хозяйства. Сколько раз, бывало, в течение года в правлении колхоза судили о животноводстве! Не счастье. Заседание в октябре. Повестка: «О положении дел на МТФ». Заседание в ноябре. Повестка: «О положении дел на МТФ». Общие раз

говоры «о положении» и «о состоянии» лились через край, а дело продвигалось медленно.

В парткоме подсказывали: подходите конкретнее, ищите резервы! Осмотрелись в правлении, подумали, изменили курс. Обсудили и решили усовершенствовать оплату труда на МТФ (повысили материальную заинтересованность). Разобрались с учетом и отчетностью (стали строже учитывать не только выход продукции, но и затраты труда, кормов, себестоимость). С весны усилили работы на культурных пастбищах.

Умное дело всегда завершается добрым показателем. За один год колхоз увеличил надои молока от каждой коровы на четыреста килограммов. Производство мяса, шерсти, яйца тоже поднялось выше отметки последних лет.

Не займись коммунисты вплотную животноводством, кто знает, был бы ли такой производственный подъем на фермах?

А ведь мускулистое плечо партийной организации чувствовалось на каждом участке колхоза. Если проследить, на каких постах трудятся 189 здешних коммунистов, то окажется, что они охватывают влиянием все отрасли производства, культуры и быта.

Вывели, скажем, механизаторы свои агрегаты на весенний сев. Кто ведет? Двадцать два коммуниста за рулем трактора. Тридцатилетний Николай Девятов на первый взгляд не очень выделяется из общей массы, работает будто бы как все, но, смотришь, его ставят в пример: производительность, качество, аккуратность. «Чем я хуже Девятова?» — думают его товарищи по труду и вступают в соревнование с передовиком. Помощник бригадира по технике член КПСС Иван Гаврилович Подковырян задает тон в борьбе за высокую культуру земледелия. Боже упаси плохо вспахать или посеять! Позора не оберешься.

Крестьянский труд сложен, земледелие часто зависит от стихийных сил природы, неожиданности подстерегают на каждом шагу. И когда председатель вспоминает о преодолении трудностей, ему всегда приходят на ум слова Селиверова: «В вашем колхозе почти две сотни коммунистов». Не они ли, в самом деле, стали верной опорой в первый же год его работы?

...Суровая, почти бесснежная зима, затяжная капризная весна. Лето с холодными ветрами и дождями. Кто скажет, что природа шла в ногу с хлебоборобом? А урожай выдался хороший.

Едут председатель и секретарь парткома по полям, радуются. Направо посмотрят — стена яровой пшеницы, тучный ячмень; налево взглянут — кукуруза выше роста человеческого. Убрать бы все вовремя. А тут зарядили дожди. В начале июля коммунисты собрались в клубе, обсуждают задачи парторганизации на жатве хлебов, а в окна хлещет холодный дождь. Через две недели, когда механизаторы вывели в поле комбайны и жатки, опять тучи закрыли небо, с севера пришли сильные порывистые ветры, начались

ливни. Хлеба полегли, перепутались. Чуть стихла погода, секретарь парткома и председатель колхоза — в поле. Машина буксует. Еле добрались до стана. Ячмень сырой, не подступишься.

Собрался партком. Речь — о массово-политической работе на уборке урожая. «Люди не должны уходить с полевых станов, — говорил секретарь. — Надо обратить в дело каждый погожий час». Член парткома Петр Субочев, тракторист, настаивал: «Все комбайны надо оборудовать приспособлениями для уборки полеглих хлебов». «Как представится возможность, — волновался председатель, — перейдем на прямое комбайнирование...»

Не успели закончить разговора, в окно снова забарабанил дождь. «Вот сейчас самое время для агитаторов и политинформаторов, — встал Дерибизов. — Собрания в бригадах также хорошо провести. Не теряя рабочих минут. Одним словом, держать всех в боевой готовности».

После заседания, несмотря на ливень, все члены парткома разъехались по полевым станам и бригадам...

И вот уборка шла к завершению. Давно выполнен план-заказ продажи зерна государству, но машины, груженные пшеницей, ячменем, просом, гречихой, все шли и шли на элеватор. Колхоз давал второй план.

Передышки, однако, в ближайшие дни не предвиделось. Предстояло убрать картофель и свеклу, заложить силос. На колхозном огороде созрели овощи, в саду (а он занимает свыше двухсот гектаров) начинался сбор яблок. В «сладком цехе», на пасеке, качали мед. Вслед за севом озимых тракторы вышли на подъем зяби. Трудовой накал поднялся до самой высокой отметки.

Как раз в это время Дерибизов уехал из колхоза. Его послали руководить крупным хозяйством в другой район. Секретарем парткома избрали заместителя председателя колхоза Григория Егоровича Савкова, но он неожиданно заболел, надолго вышел из строя. Обязанности секретаря временно возложили на члена парткома председателя исполкома сельского Совета Николая Михайловича Горбунова, в недавнем прошлом каменщика и бригадира. У него по горло дел в Совете, недостаточно опыта, как он признается, «душа не выдерживает нагрузки», но что поделаешь: если требует обстановка, и одному надо работать за двоих.

Вот они сидят с председателем, уточняют план действий правления и парторганизации на конец года. Крупные в мозолях руки Горбунова лежат на столе, обветренное лицо сосредоточенно. Он на десять лет старше Поваляева, но ничем не подчеркивает этого. «Не в спокойный час отпустили Дерибизова. Время самое ответственное, а партком без секретаря. Трудно мне на двух стульях...» Анатолий Павлович ответил так: «Я, когда мне очень трудно, вспоминаю наших отцов-коммунаров. Героические люди были...»

Нет, не забыть ему этих дней 1969 года!

Второй год ношу председателя Анатолий Павлович нес увереннее. Его вдохновляла дружная поддержка коммунистов и надежда на новые силы, пришедшие к управлению различными участками общественного производства.

Главным агрономом теперь стал Владимир Федорович Воронов. Он с того же агрофака, который окончил Поваляев, уезжал учиться по путевке колхоза и вернулся в родной край с женой Тamarой Григорьевной, агрономом-семеноводом. Однокашники быстро находили общий язык — дело шло дружнее.

Павел Николаевич Фокин ушел на отдых, который давно заслужил беззаветным трудом. Главным зоотехником вскоре назначили опытного специалиста Владимира Михайловича Старостина, прибывшего в родной район после двенадцати лет работы в Сибири.

Скоро выяснилось: на месте главного инженера не тот человек. Нарушает дисциплину, беспечен, потакает недобросовестным работникам. Вынесли вопрос на обсуждение парткома. Там подошли к коммунисту с высокой мерой требовательности. Не оправдал доверия — ищи дело по себе. А главным инженером выдвинули Алексея Ивановича Злобина, вернувшегося в колхоз из Саратова после окончания Института механизации сельского хозяйства. Он из «династии Злобиных», где все механизаторы, дисциплинированные, трудолюбивые, и колхозники одобрили выбор правления.

Молодые специалисты приняли эстафету от старших товарищей также и в строительной бригаде, механической мастерской и на некоторых других участках производства.

В колхозном парткоме отлично понимали, какой ответственный шаг — обновление руководства. Тем более не все новички быстро «нашли себя» на своих постах. Один проявлял горячность, другого вдруг забирал административный восторг, третий, полюбив письменный стол, постепенно отгораживался от людей. Надо было направить каждого на верный путь, помочь познать практику, впитать опыт старших. С этой целью работа специалистов часто обсуждалась на заседаниях комитета.

Главный агроном однажды изложил парткому соображения о том, что намечается для увеличения производства зерна и других продуктов растениеводства. Вокруг доклада завязался содержательный разговор. Члены парткома высказали полезные замечания и о деятельности самого агронома. Когда обсуждалась массово-политическая работа среди животноводов, разгорелся горячий спор о роли главного зоотехника колхоза в новых условиях. Обсуждение социалистических обязательств в честь XXIV съезда КПСС послужило предлогом разбора стиля работы правления и главных специалистов. Анатолию Павловичу в этот раз сказали: «Вы видите дальше, больше внимания уделяете земле, подходите разумно к экономике — хвала вам! Но не допускайте горячности. Одним необдуманным поступком может настроить против себя десятки

людей». Поваляев согласился: «Понимаю, допускал ошибки, но характер не сразу переломишь, буду держать себя в руках». У молодежи — знания и энергия, за ней будущее, убеждали в парткоме, но не забывайте черпать опыт и мудрость у старых кадров. Жизнь их многому научила.

Как раз об этом и говорили теперь в кабинете председателя.

— Среднее звено будем укреплять, — с озабоченностью произнес Поваляев.

Анатолий Павлович теперь окончательно убедился, что постигнуть «правила руководства» — это прежде всего научиться подбирать, воспитывать и проверять работу людей. В отношении среднего звена мысль его сводилась к простым мерам. Колхоз недавно перестроил структуру управления. Вместо отраслевых бригад, где трудно было понять, кто за что отвечает, создали три комплексных производственных бригадных участка с соответствующими подразделениями внутри них — фермами, тракторными отрядами, подсобными службами. Но сама структура автоматически не меняет дела, его вершат кадры.

Большинство колхозных «цехов» возглавляют знающие и опытные мастера. Бесспорными достоинствами обладают, допустим, кадры первой бригады. Молочнотоварной фермой здесь заведует ученый зоотехник Серафима Васильевна Желтикова. «Дело знает как свои пять пальцев, — говорят о ней. — Энергична, старательна, одним словом, на своем месте». Уже знакомый нам Илья Михайлович Никитин — главный на свиноварной ферме. Отрядом механизаторов руководит толковый «машиновед» Петр Иванович Су-бочев — за его плечами и знания, и опыт. Не вызывают сомнения основные руководители и в двух других бригадах. Им доверяют, их инициативу и самостоятельность поддерживают. Безусловно, и за такими товарищами нужен контроль. И, конечно, помощь требуется им. Разве честный и безотказный работник не нуждается в поддержке?

Но есть в колхозе и такие подразделения, где работа идет под началом хотя и честных, но слабых или безвольных людей. Есть «закисшие» работники. «Что за человек ваш старший?» — спросил как-то секретарь парткома группу колхозников. «Так, — отвечают, — сухая ветка». Чего ожидать от таких? Похвальбы долгим стажем? Но стаж — не бронь, должность дается не навечно. Отсюда вывод: некоторых предстоит заменять. Без торопливости, конечно, обдуманно. Люди вы, мол, хорошие, а дела делать не умеете, вот и идите туда, где справитесь.

Эту мысль и развивал Поваляев. Полный надежд, он испытывал огромное удовлетворение от того, что оглянулись сегодня назад, вспомнили о пройденном пути.

Николай Федорович тоже был доволен. Взглянув на Поваляева, он вынул из кармана записную книжку и прочитал занесенное

в нее изречение Д. П. Писарева: «Когда жизненная борьба уже превратилась в сознательное стремление к определенной цели, тогда человек может уже считать себя счастливым, хотя бы ему пришлось упасть и умереть на дороге, не вступивши в ту обетованную землю...»

«Подходит»,— подумал он, еще раз посмотрев на Анатолия Павловича.

Из конторы они вышли в вечерний час. На усадьбе весело мерцали электрические огни. За день подсушило, под ногами шуршали опавшие листья.

У поворота их догнал Иван Матвеевич Селиверов, в плаще и резиновых сапогах. Он возвращался из «Победы» и заехал за Оглоблиным, который еще утром отпустил машину в Кирсанов.

—Всему, думается, пятилетний итог подбили, хоть на партийном съезде докладывай, — засмеялся Оглоблин. — А вот культуре и быту красной черты не подвели.

— Вечер покажет, какой был день, — ответил Селиверов.

Поваляев подумал, что перемены в быту, пожалуй, самая большая социальная высота колхоза. С каким упорством поднимались к ней по крутой тропе отцы и дети! Заметил с юношеской непосредственностью:

— Щи лаптем не хлебаем...

Они неторопливо пошли вдоль улицы к столовой, разговаривая и шутя о том, что так всех радует и волнует в коллективе.

Село не город. Центральной усадьбе колхоза еще далеко до современного городского микрорайона. Но, послушайте, в бывшей тамбовской глуши, царстве соломенных крыш, четыреста восемьдесят семей сельских тружеников, то есть больше половины, живут в коммунальных домах. В новостройках последних лет — квартиры со всеми удобствами. Только за три года такое жилище получило около пятидесяти семей. В квартирах сорока колхозников произведен капитальный ремонт. Пспокон веков житель села сам и только сам ставил себе избу, кроме соседа да родственника, он никого не мог позвать на помощь, ставил как мог, чаще всего из самана, крыл соломой. Нынче о жилище колхозника печется бригадный совет, правление, партком, профорганизация.

Благосостояние колхозной семьи, как известно, складывается из многих сторон. Чтобы понять, как люди живут, надо заглянуть под их кров и разложить вопрос «по статьям».

Ну какую, скажем, зарплату несет ежемесячно домой колхозник? В среднем — восемьдесят пять рублей. Добросовестная телятница — свыше ста, свинарка — за сто десять, доярка, если она старательна, сто двадцать — сто тридцать. Среднемесячный заработок тракториста Петра Ивановича Субочева в 1970 году — 219 рублей. Нетрудно подсчитать бюджет семьи, если в ней не один работает, а двое-трое.

Вместе с высокими заработками в дом колхозника пришел достаток. Над шиферными и железными крышами поднялись антенны — в каждой третьей семье имеется телевизор. Через дом — стиральная машина, через два — радиоприемник. Не новость уже для хозяйки и газ, и холодильник, и электрический утюг. Свыше двухсот колхозников и их детей едут на работу и в школу на велосипедах, семьдесят пять приобрели мотоциклы, шесть — легковые автомашины. «Москвич» последней марки или «Волга» у крыльца не удивляют и детей.

Можно обратить внимание и на другие доказательства роста благосостояния колхозной семьи. В домах — современная обстановка. Люди со вкусом одеты. По одежде деревенскую девушку или молодого человека сегодня не отличишь от городского жителя. На обеденном столе и овощи, и молоко, и мясо. Свободный рубль на сберегательной книжке. Детали все это, а говорят о многом.

— Быт — это тыл производства, — заметил председатель после долгого молчания. — Его тоже надо крепить. Фронта без тыла не бывает.

— Безусловно, — подтвердил Иван Матвеевич. — Не все это понимают, вот наша беда.

— У нас тоже не сразу поняли...

Не один год в парткоме и на партийных собраниях разгорались споры о бытовом обслуживании колхозников. Коммунисты волновались: «Строим телятник, а о душе забыли. Где же помыться после работы?» Настаивали: «Бытовые удобства необходимы не только на центральной усадьбе!» Требовали: «Вы, Павел Николаевич, правильно делаете, что нажимаете на хозяйственные постройки. Но не забывайте и о банях!»

Не один год прошел, пока семья колхозника ощутила долгожданные услуги. В поселке Ленинском теперь имеется Дом быта. Пришло время заказать костюм или пальто — иди к закройщику, выбирай материал. Нужно постричься или побриться — отправляйся в парикмахерскую. Есть в колхозе четыре бани, прачечная, амбулатория, столовая, пекарня, телефонная станция. Колхознику и служащему нужно что-то купить — к его услугам магазины потребительской кооперации. Самый большой из них ■ — магазин № 10 — построен в первый год минувшей пятилетки. В нем, как в городском, непрерывный людской поток. Покупатели выбирают ткани, примеряют обувь, смотрят хозяйственные товары. Ежемесячная выручка только одного этого торгового предприятия двадцать — тридцать тысяч рублей. Но заведующая магазином недовольна: «Товаров бы побольше. Шапки нужны вот хорошие, детской обуви не хватает. Шерстяные изделия редко привозят. В городе красивые плащи появились, а у нас когда будут?»

Да, жителю села сейчас нужны вещи не просто добротные, но и модные.

В столовой к председателю подошли девушки, оживленные, шумливые.

— Анатолий Павлович, не забудьте о репетиции.

•— Помню...

Селиверов спросил, что за спектакль готовится.

— Премьера уже прошла, — заторопилась одна из девушек.

— Готовимся к тематическому вечеру «Будущее нашего колхоза».

Когда девушки ушли, Селиверов заметил, что культурная и духовная жизнь колхоза как нельзя лучше характеризует его богатства.

— Впотьмах не ищи золота? Неграмотный — вне политики?

— Безусловно. Не помню, кто сказал, кажется, Лев Толстой: много худого на свете, а нет хуже худого разума. Первое худо — худой разум. Думай хорошо, и мысли созреют в добрые поступки.

— Мудро!

— Культурная жизнь, вся наша массово-политическая работа приучает человека правильно мыслить. А это — много!

Светлым очагом и рассадником культуры в колхозе справедливо считают среднюю школу. Она стоит в центре поселка — двухэтажное кирпичное здание с просторными классами. Перед окнами — березы, за оградой — большой сад. Выйдя из стен своей школы с аттестатом зрелости, многие юноши и девушки остаются жить под отчим кровом, работают в родном колхозе. Другие продолжают образование. Только за одно десятилетие (1954—1964 годы) из числа колхозников окончили институты и академии 75 человек. Из них одиннадцать стали специалистами сельского хозяйства, тринадцать — врачами, девятнадцать — педагогами, пять получили дипломы военных академий, два — консерватории, три — музыкальных училищ, два — художественного института. Много молодежи обучается в вузах и в наши дни.

Примечательная черта в деятельности школьного педагогического коллектива — воспитание у учащихся любви к крестьянскому ТРУДУ, к сельскохозяйственным профессиям. Колхоз выделяет достаточно средств на выплаты стипендий колхозникам, обучающимся в вузах и техникумах. Каждый год, получив специальность, молодые люди возвращаются в родной коллектив и с большим вдохновением берутся за работу на различных участках сельскохозяйственного производства.

На одной улице со школой — белоколонный Дом культуры, краса поселка. С чувством гордости входят в него колхозники. И чуть ли не всякий раз, как хозяева, осматривают помещение. Все здесь для них. В просторном вестибюле — гардероб с металлическими вешалками и номерками. Дверь рядом ведет в комнату, похожую на гостиную, а оттуда — в зал на четыреста мест. В зале — ряды удобных кресел, вместительная сцена, широкоэкранный

киноустановка, высокие окна с приспущенными шторами. На втором этаже посетитель найдет актовый зал, где читаются лекции и происходят теоретические собеседования. Тут же — одна за другой комнаты для занятий кружков художественной самодеятельности, в дальнем углу — бильярдная.

Открыв свои двери весной, в день ГОО-летия со дня рождения В. И. Ленина, Дом культуры скоро привлек в свои стены людей всех возрастов и профессий. Как завечереет, сюда идут любители песни и танца, поклонники драматического искусства и кино. Колхозные музыканты в духовом и эстрадном оркестрах разучивают любимые мотивы, под горячие рукоплескания выходят на подмости «цены участники хора. «Русское поле!» — звучит звонкий голос ведущего, и зал замирает, слушая популярную песню.

Драматический коллектив показал на сцене Дома культуры ряд спектаклей: «На дне» Горького, «Без вины виноватые» Островского, «Женитьба» Гоголя, «Чудесный сплав», «Барабанщица». Трудно описать восторг, с которым зрители встретили постановку «Беспокойная старость». И неспроста. Они с захватывающим вниманием смотрели сцены, повествующие о событиях героических лет, но их вдохновляло и другое. На сцене они увидели председателя колхоза Анатолия Павловича Поваляева, но не за столом президиума, а в роли матроса Бочарова. А потом — что такое? Чей это знакомый голос? Горбунова? Ну конечно! Председатель исполкома сельского Совета исполнял роль доцента Викентия Михайловича. А как удачно выступил в роли профессора Полежаева начальник пожарной дружины Курганов! И Сизова, экономист, хорошо играла! После спектакля в зале долго не смолкали аплодисменты. То были и награда драматическому коллективу за игру, и знаки одобрения: руководители показывают личный пример в общественной жизни села.

Кто знает, быть может, этот пример помог Дому культуры привлечь к участию в художественной самодеятельности свыше ста человек. Кроме оркестров и драматического кружка, здесь пробуют свои силы и способности кто в хоре, кто в танцевальной и фольклорной группах.

Не выезжая за пределы своего сельсовета, колхозники и служащие имеют возможность смотреть и слушать выступления профессиональных артистов Москвы и Ленинграда, Воронежа и Саратова. Несколько спектаклей поставил на сцене Дома культуры Тамбовский драматический театр имени Луначарского. С большим успехом прошла здесь пьеса местного драматурга Александра Стригина «Колосья в крови» о революционной борьбе за Советскую власть на Тамбовщине.

А уедут гости — у Дома культуры появляется афиша: «Сегодня концерт художественной самодеятельности. Участвуют лучшие силы...» Зал снова приветствует колхозные таланты. Широкий инте-

рес вызывают и вечера с целевым назначением! Композиция «Ленин ж,ил, Ленин жив, Ленин будет жить» надолго запала в памяти всем, кто был в тот раз в зрительном зале Дома культуры. Яркие рассказы на вечере «Завтра нашего колхоза» привлекли внимание и старого и малого: каждому хотелось узнать, каким он будет, завтрашний день наших полей, наших ферм, наших улиц и домов! После тематического вечера «Гимн труду» один колхозник сказал: «Тридцать лет работаю, а никогда еще меня так не славили. Руки горят, к делу хочется». Охотно идут также жители слушать лекции па политические, естественнонаучные и международные темы.

Дом культуры становится центром торжеств. Сюда торопятся люди повеселиться в дни, когда па листке календаря красное число: 1 Мая, 7 Ноября, 8 Марта, под Новый год. В быт входят новые праздники — День урожая, Золотая осень, проводы Русской зимы.

— Ну и добро, ну и счастливой дороги, — говорил Селиверов, обращаясь то к секретарю парткома, то к председателю. — Но не останавливайтесь на этой высоте. Вас вот хвалят — не давайте сбить себя. Не дай бог зазнаетесь! Ржавчина разъедает железо, зазнайство — душу.

— У нас много забот, хватает и прорех, Иван Матвеевич, — удивился Поваляев. — Какое тут зазнайство!

— Приняли эстафету у старших — несите, не спотыкаясь. Помните слова Карпа Григорьевича Богданова, одного из первых руководителей коммуны? «В коммуне, — говорил он, — нет ничего, а надо сотворить все!» Понимаете? Все!

— Дорогой отцов?

— Да, дорогой наших отцов. Только теперь уже широкой дорогой.

Они шли сейчас по густой аллее колхозного парка. Белые стволы берез теснились совсем рядом. Высоко стояла луна. В ее холодном свете блестя поддурмяненные осенью кроны деревьев.

— Парк и вот эта аллея тоже культура, — продолжал Иван Матвеевич. Он был сейчас задумчив. — Один колхозник сказал мне: «Когда я стою под деревом, мне хочется быть лучше». Просто, но точно. Природа облагораживает.

Так, неторопливо разговаривая, они вернулись к конторе. Селиверов взглянул на часы.

— По коням, Николай Федорович?

— Пора...

Фары «Волги» осветили рано облетевшие тополя, окна почты, нарядный домик с кружевными узорами, ленту серого асфальта, ведущую на шоссе Тамбов—Пенза.

— Зайду в Дом культуры, — сказал секретарь парткома.

— А у меня со специалистами разговор...

Председатель шагнул через порог, думая о том, что ему предстоит сделать завтра.

ЯСНЫЕ ДАЛИ

На второй неделе ноября, после осенних праздников, когда легкий снежок присыпал мокрые поля, члены правления колхоза собрались посоветоваться, как работать в зимнюю пору. Приближался 1971 год, а с ним—старт новой пятилетки. Всем хотелось с первых же ее шагов взять верный темп, и колхозные руководители сошлись на большой предзимний совет.

Нужно заметить, что к встрече нового пятилетия в поселке Ленинском начали готовиться задолго до его начала. Но рассказ об этом впереди. А сейчас мы, нарушая хронологию повествования, перенесемся на время в те солнечные дни марта—апреля 1971 года, когда в Москве проходил XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза. На ярком фоне его исторических предначертаний будут лучше обозначаться перемены, происшедшие на селе после известных Пленумов Центрального Комитета и XXIII съезда КПСС, и вырисовываться контуры нашего завтра.

...XXIV съезд ленинской партии в селениях колхоза-ветерана встретили как большое историческое событие. В честь него механизаторы и животноводы всю зиму несли трудовую вахту и достигли заметных успехов. Коммунисты вместе со всеми колхозниками обсуждали проект Директив XXIV съезда КПСС по новому пятилетнему плану. Уже тогда они поражались стремительности шагов социалистической экономики, грандиозности задач, выдвигаемых партией. В памяти их всплывали минувшие пятилетки, партийные съезды, оставившие глубокий след в истории Родины. Однако когда открылся XXIV съезд КПСС и труженики колхоза с неослаб

ным вниманием прослушали Отчетный доклад Центрального Комитета, в котором обобщен опыт коммунистического строительства и раскрыты перспективы жизни советского народа на ближайшее будущее, всем стало ясно, что нынешний партийный съезд займет особое место в жизни Страны Советов.

И как это часто бывает в пору крупных событий, коммунистам уже не сиделось в свободный час дома. Они торопились «на люди», чтобы прислушаться к голосу сотоварищей по труду, сказать доброе слово о великих делах партии, ее верном служении трудовому народу.

Каждый вечер собирались в знаменательные дни коммунисты и в просторной комнате партийного комитета. Придет время, они будут внимательно изучать и обсуждать решения съезда, постоянно возвращаясь к ним в практической работе. Сейчас же в парткоме проходили своеобразные «съездовские чтения» и «съездовские собеседования». Раздел за разделом перечитывали партийцы Отчетный доклад ЦК КПСС, с которым выступил Генеральный секретарь Центрального Комитета партии Л. П. Брежнев, и доклад Председателя Совета Министров СССР А. И. Косыгина «Директивы XXIV съезда КПСС ио пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971 — 1975 годы». И думали о мудрости партии, примеряли ее огромную созидательную деятельность к тому, что сделано на местах.

В один из апрельских вечеров в парткоме собрались коммунисты, политинформаторы и агитаторы. Назавтра им предстояло провести в бригадах и на фермах беседы о «главной строке съезда», как образно заметил старый партиец, — о курсе партии на существенное повышение благосостояния трудящихся. Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXIV съезду КПСС вызвал оживленные суждения в каждом доме. В особенности заинтересовали людей вопросы экономической политики партии на современном этапе и социально-политического развития общества. Нужно было широко рассказать всем категориям трудящихся о том, что намечает осуществить партия, что провозгласила она на своем форуме. Политинформаторы и агитаторы собрались, чтобы обменяться мнениями, как убедительнее провести такие беседы.

На этот раз собеседование вел Владимир Федорович Воронов, член парткома.

«Девятая пятилетка, — читал он выдержку из Отчетного доклада ЦК КПСС, — должна стать важным этапом в дальнейшем продвижении советского общества по пути к коммунизму, строительстве его материально-технической базы, укреплении экономической и оборонной мощи страны. **Главная задача пятилетки состоит в том, чтобы обеспечить значительный подъем материального и культурного уровня жизни народа на основе высоких темпов развития социалистического производства, повышения его эффектив**

ности, научно-технического прогресса и ускорения роста производительности труда».

— Ясно, товарищи: главная задача пятилетки — обеспечить значительный подъем материального и культурного уровня жизни народа. Но тут можно спросить: позвольте, мол, такая цель ставилась чуть ли не с первых дней Советской власти. Правильно. И не только ставилась. Партия и государство много делали, идя к этой цели. Однако мы знаем, что на протяжении длительного времени наши возможности в силу известных исторических причин (вспомним хотя бы о войне!) были ограничены. И цель долгое время во многом оставалась, можно сказать, мечтой, перспективой. Жизнь наша, конечно, улучшалась с каждым годом, в каждую семью приходили достаток, культура, но требования людей росли, а мы не могли удовлетворить их в полной мере. Теперь страна накопила сил и средств. И это дает партии основание поставить вопрос о том, чтобы еще больше нацелить хозяйственное строительство на улучшение жизни народа.

Ведя речь о своей ответственности перед партией за развитие сельского хозяйства, коммунисты незаметно подошли к важному практическому соображению.

Новая пятилетка, рассудили они, — дело всей страны. Но она имеет и точные адреса. Например, колхоз имени В. И. Ленина. Почему? Во-первых, согласно общей логике: советский крестьянин — активный строитель коммунизма и, стало быть, причастен ко всем задачам дня. Во-вторых, если вдуматься, можно понять, что колхозу непосредственно адресованы многие строки Директив съезда. Читайте: «Значительно повысить урожайность зерновых культур в каждом колхозе и совхозе...» «Обеспечить дальнейшее развитие животноводства на основе осуществления в каждом хозяйстве системы эффективных мер...» Указания, как мы видим, обращены к каждому хозяйству. А следовательно, и к колхозу, носящему имя вождя.

— Нет, мы не ошиблись, — заметил председатель колхоза, — Это в наш адрес записано.

— Правильно поняли...

Планы развития растениеводства и животноводства в колхозе были, конечно, составлены, обсуждены и утверждены. Однако решения съезда партии побудили колхозников еще раз подумать о возможностях и резервах хозяйства. Был канун весеннего сева, и, естественно, все помыслы членов коллектива, особенно механизаторов, сосредоточились на урожайности полей — на более правильном использовании земли, машин и орудий, удобрений, соблюдении всех требований агрономической науки. С этой целью уточнили рабочие планы сева и ухода за посевами, проанализировали расстановку сил, плюсы и минусы прошлых весен. Вновь и вновь обсуждали, рассчитывали, все ли предусмотрено для увеличения

производства кормов — силосных культур, корнеплодов, сена, для поддержания в хорошем состоянии и расширения поливных культурных пастбищ.

Словом, на призыв съезда — настойчиво претворять в жизнь намеченную партией программу быстрого развития сельского хозяйства — у колхозников был один главный ответ: изо дня в день честно выполнять свой трудовой долг. Без труда не прорастет семя, не поднимутся травы, не нальется полновесный колос. Ни нивы, ни фермы не станут без труда высокопродуктивными. Труд — источник всех богатств, мощь и радость человека-творца, наивернейший ответ на самые авторитетные решения...

Ну вот, побывав в колхозе в дни работы очередного партийного съезда, который окажет, разумеется, влияние на жизнь и этого хозяйства, вернемся теперь к той сельской осенней поре, когда люди готовились к вступлению в новую пятилетку.

...На исходе был август. В полях за рекой шумели комбайны, подбирая последние гречишные валки. По накатанной до блеска дороге на высоких скоростях шли машины, груженные продукцией полей. За подсолнечным массивом поднимался дым костра — школьники вместе с учителями вышли на уборку картофеля. Трактористы поднимали зябь.

Степь жила, волновалась, боролась. Ни одно дело не терпело отлагательства. Но даже в такое напряженное время в колхозе не забывали о перспективах. Что бы ни делали в эти дни люди, где бы ни находились, а спускался вечер и пути их сходились в «штабах», готовящих, как шутили колхозники, операцию «Завтра».

В просторной колхозной конторе во всех комнатах горел свет. Специалисты сводили воедино и уточняли новые производственные планы. К ним приходили бригадиры, заведующие фермами, звеньевые — надо было обосновать каждую намеченную цифру, подвести «базу» под каждый запланированный рубль затрат. Главный агроном Владимир Федорович Воронов сердито стучал по рычажку телефона, ему срочно требовалось для консультации районное управление сельского хозяйства. Тракторист в ватной фуфайке, порывистый, нетерпеливый, доказывал экономическую целесообразность создания механизированного отряда специального назначения. Пусть-де такой отряд ведет погрузку, транспортировку и внесение в почву органических и минеральных удобрений. Выгода налицо. Девушка, открыв дверь в комнату специалистов, то и дело звала: «Сизова, к председателю!» И Валентина Степановна Сизова, колхозный экономист, захватив пухлую папку с расчетами, торопилась к Поваляеву.

В тот же час члены парткома, собравшись у секретаря, пункт за пунктом обсуждали итоги интересного исследования. Пятьсот тридцать шесть жителей колхозных селений от восемнадцати до шестидесяти лет, отвечая на вопросы анкеты, дали сведения о себе

и высказали свое мнение по некоторым актуальным проблемам местной жизни. Надо было обдумать, как учесть их соображения в дальнейшей работе.

Данные радовали и обнадеживали, подтверждали рост благосостояния людей, доброе расположение их духа. Вместе с тем в ряде случаев привычные представления о структуре населения, его материальных и духовных запросах не совпадали с действительным положением вещей. Ну как не задуматься над такими, например, сведениями?

«Работаете ли вы сейчас в колхозе?» Да — 305. Нет — 231. «Нравится ли вам работа?» Да — 214. Нет — 64... «Что привлекает вас в работе?» Хорошая организация труда — 123; хороший заработок — 37; хорошие условия труда — 28; любовь к профессии — 57; дружба в коллективе — 56. Людей подкупает также творческий характер труда, моральное удовлетворение его результатами, возможность получить профессию. «Что вам не нравится в вашей работе? Ответ: сезонность — 34, однообразие — 15, работа не заставляет думать — 15, плохая организация труда — 34, плохой заработок — 48, невнимательное отношение руководителей колхоза, бригады, фермы — 52...

Одна цифра радовала, другая огорчала. Что казалось благополучным, вдруг обертывалось иной стороной медали. Из ответов на анкету члены парткома узнали, что каждый десятый из опрошенных не удовлетворен организацией социалистического соревнования и движением за коммунистический труд. Большинство опрошенных редко посещают лекции. Из пятисот с лишним человек 356 читают газеты, 180 — журналы, а вот художественную литературу — всего лишь 82.

— Эти данные показывают, как возросли требования людей, и открывают глаза на недостатки, — с твердой уверенностью говорил член парткома Григорий Егорович Савков. — То, что вчера человека вполне устраивало, сегодня уже не удовлетворяет его. Но статистика — не все. Тут надо докопаться до сути, найти причины явлений. К каждой цифре мы должны подойти со словом: «Почему?»

— Это так, — возражали ему, — но первые вопросы законно задать парткому. Обращал ли он внимание, например, на неудовлетворенность части тружеников работой? Волновали нас, скажем, факты невнимательного отношения некоторых руководителей производственных участков к подчиненным или мы, замечая трения, оставались равнодушными к ним?

Так или иначе, а результаты социальных исследований давали повод для серьезных раздумий. Все пришли к разумному заключению: небо не будет чище, если мы перестанем замечать облака.

Дом сельского Совета, казалось, жил в эту пору своей обыденной жизнью. Шли посетители к председателю и секретарю со свои

ми будничными нуждами. В заранее намеченные часы заседал исполком. Постоянные комиссии готовились к сессии. Все делалось, как вчера и позавчера. Но почему же так возбуждены депутаты? Почему народные избранники все чаще открывали дверь к Николаю Михайловичу Горбунову, бывшему колхознику, а ныне председателю исполкома Совета?

Нет, они знали о недостатках обслуживания населения и раньше. Говорили о них на сессиях. А тут еще одно подтверждение: служба быта не всегда на высоте, это свидетельствуют живые люди. «Удовлетворены ли вы работой бань?» — спрашивала анкета. Люди ответили: да—42, нет — 28. Парикмахерской? Да — 20, нет — 50. Приемного пункта комбината бытового обслуживания? Большинство заявило: «Нет!» Магазинов? Каждый седьмой ответил: «Нет!»

— Не в бровь, а в глаз, — согласился председатель исполкома, ознакомившись с материалами исследований. ■— Заседания, сессии, комиссии... А вой люди-то что говорят!

И депутаты пошли в службы быта и учреждения культуры, чтобы найти ответы, как улучшить обслуживание населения. Готовили свои предложения к пятилетнему плану и постоянные комиссии.

Думы о перспективных планах в колхозе зародились давно, считай, три года назад. Зимним днем в поселок пришла весть, что в передовых хозяйствах Тамбовщины взяли на вооружение опыт промышленных предприятий и по их примеру стали составлять программы социального развития сельских производственных коллективов. Отличительная черта таких планов — охват всех сторон жизни человека, решение назревших вопросов в комплексе. Словно прожектором освещая жизнь села, люди смотрели далеко вперед, намечали пути не только развития производства, но и совершенствования труда, техники, управления, подготовки кадров, культурно-бытового строительства, охраны здоровья, создания условий для духовного роста, отдыха трудящихся — всего, что связано с их работой и бытом.

«И нам такой план нужен!» — заявили колхозники. Отправили «ходовок» за опытом. Через три месяца план социального развития коллектива колхоза имени В. И. Лепина на 1968—1970 годы обсуждался на общем собрании и после дельных поправок был принят. Пусть не во всем он оказался совершенным, но все-же имел большую притягательную и организующую силу. Люди уверенно шли к намеченным целям и, как правило, достигали их. Достаточно вспомнить, что построено в хозяйстве за последние три года, чтобы убедиться, как важны серьезные заботы о завтрашнем дне.

И вот на исходе восьмой пятилетки в колхозе замыслили составить новый долгосрочный план социально-экономического развития коллектива — теперь уже на 1971 — 1975 годы.

План рождался на виду у людей, при их непосредственной помощи. В его составлении принял участие большой творческий коллектив— члены правления и партийного комитета, ведущие специалисты, группа депутатов сельского Совета, передовики производства, наиболее опытные педагоги, лучшие активисты массово- политической и культурно-просветительной работы. Шестьдесят три человека вошли в подготовительный комитет. Им помогали работники партийного аппарата, ученые из Тамбова и Мичуринска.

— Мы должны прежде всего четко представить себе картину сегодняшнего дня хозяйства и его коллектива, — сказал на совещании ученый из Тамбова. — Поэтому начнем с анализа экономики колхоза, возможностей его роста.

Постепенно подошли к трудовым ресурсам, их структуре, деловой квалификации, материальной обеспеченности. Сопоставили, насколько изменились в последние годы характер и условия труда, как удовлетворяются культурно-бытовые и духовные запросы людей.

Для ясности картины пришлось ознакомиться с положением дел на каждом участке труда и быта, поднять гору статистических материалов, перелистать груды годовых отчетов. Запросили необходимые материалы у исполкома сельского Совета (в частности, сведения о численности, возрасте и характере занятости населения). В средней школе выяснили, какова судьба ее выпускников. Разузнали детальнее и о содержании работы культурно-просветительных учреждений.

Нашлись, однако, вопросы, на которые было трудно получить ответы в обычных источниках. Нравится ли вам работа? Каким образом вы выбрали вашу нынешнюю специальность? Как вы проводите свободное время? Что бы вы хотели приобрести для семьи? Об этом, как и о многом другом, наиболее верные ответы можно было услышать лишь из уст самих колхозников и служащих. Вот почему открыт был еще один канал информации — анкетный и личный опрос людей.

Это оправдало себя. Здравый, чаще всего требовательный, взгляд человека на производство и на свою работу, отношение к общественной жизни коллектива и личное участие в ней, откровенное «да» или «нет», чистосердечные признания о своих запросах и стремлениях стали той людской мерой времени, той нравственной отметкой, которые помогли объективно подойти к большим и малым задачам, определить правильные цели.

Можно после этого представить, с какой верой смотрели люди на новый план социально-экономического развития колхоза, эти вехи большого пути на пять очередных лет.

В благодатный день осени, когда усилился листопад, двести сорок пять полномочных представителей бригад пришли в зал нового Дома культуры, чтобы коллективно обсудить «курс своей жиз

ни», как заметил председательствующий на собрании секретарь парткома Егор Михайлович Витютнев.

С докладом вышел на трибуну Анатолий Павлович Поваляев. Лицо его было серьезно, и сам он собран до предела.

— Мы собрались сюда, товарищи колхозники, — сказал председатель, — чтобы рассмотреть, как будем трудиться и жить в предстоящем пятилетии.

. Слова строги, фразы скупы. Он, как, очевидно, и сидящие в зале, хорошо осознавал, что план — не сладкие мечтания, не фантазия, а обдуманное деловое намерение, порядок действий для достижения желаемых результатов. И не склонялся к агитации. Просто задерживался на основных показателях, обосновывал их, подкрепляя расчетами.

— На земле работаем, о ее плодородии, о росте урожайности сельскохозяйственных культур первая дума...

Каждая цифра — рубеж. И председатель приостанавливался на нем, чтобы запомнили.

Первой была названа цифра 30. Столько центнеров зерна, никак не меньше, должен давать гектар земли в колхозе к концу девятой пятилетки. В минувшее-то пятилетие урожайность зерновых поднялась здесь на четыре центнера с гектара. За годы новой пятилетки предстояло поднять урожай этих культур на десять центнеров с гектара. Шаг большой и трудный, но ведь так и должно быть: производство зерна остается ключевой проблемой развития сельского хозяйства. Продуктивнее, согласно плану, окажется каждый гектар, занятый другими культурами — подсолнечником, свеклой, кукурузой, картофелем, травами. Само собой разумеется, тучнее станут стада. Одних дойных коров на фермах будет 720. А всего крупного рогатого скота — свыше двух тысяч голов. Надой молока на корову возрастут до трех тысяч килограммов. Увеличится настриг шерсти, яйценоскость кур.

А в итоге среднегодовое производство зерна увеличится на 20 процентов, сахарной свеклы — на 36, подсолнечника — на 42 процента, мяса — более чем наполовину, молока — на две трети.

Намного больше потянет и продукция сельского хозяйства, предназначенная для продажи государству. Из зерна, поставляемого стране колхозом к концу девятой пятилетки, можно будет ежегодно выпекать каравай весом около двенадцати тысяч центнеров — в три раза больше, чем в семидесятом году. Колхозный окорок для страны к последнему году пятилетки потянет без малого четыре тысячи центнеров — в два с половиной раза больше сегодняшнего.

Возможны ли столь высокие урожаи на северо-востоке Тамбовщины? Где взять столько кормов для скота? Под силу ли новые высоты?

У больших планов колхозной пятилетки есть надежный фундамент. Это — укрепление материально-технической базы хозяйства,

ускорение дальнейшей механизации производства, расширение химизации, а также улучшение использования сельскохозяйственных угодий, техники и трудовых ресурсов колхоза.

На практике это выглядит так. В хозяйстве создается семь механизированных звеньев для выращивания зерновых культур. На вооружение их поступят новые машины. Полностью предстоит оснастить техникой четыре звена, занятые выращиванием сахарной свеклы. Машина посеет, машина проведет основную междурядную обработку, свекловичный комбайн уберет урожай. Во втором году пятилетки вступит в строй второй механизированный отряд, на грузовиках которого шофера напишут одно слово: «Удобрения». Механизация погрузки, транспортировки и внесения в почву органических и минеральных удобрений позволит рациональнее использовать их, повысить плодородие земли. Женская тракторная бригада, возделывающая кормовые культуры, в течение двух ближайших лет получит дополнительно трактор Т-54В, два трактора МТЗ-50, две тракторные тележки, четыре культиватора, два стогометателя, две кукурузные и две зерно-травяные сеялки, два тракторных плуга — словом, все необходимое оснащение, чтобы увеличить производство кормов.

В первый же год новой пятилетки колхоз намерен полностью механизировать еще ряд работ, отнимающих сейчас много труда и времени. С помощью механизмов станут производить заправку машин горючими и смазочными материалами, загрузку семян в сеялки, обработку приствольных кругов в саду, раздачу кормов и удаление навоза в коровниках и телятниках.

Умные механизмы заменят ручной труд в новых корпусах молочного комплекса на четыреста коров, свинарника-маточника и свинарника-откормочника. Тысяча свиней будет постоянно находиться на откорме, а управляться с ними успеют две свинарки: вся тяжесть труда ляжет на технику!

Слушая эти слова доклада, животноводы переглядывались с тихой радостью: и на нашей, мол, улице будет праздник!

— Само собой все это не придет, — после недолгой паузы сказал председатель. — План обязывает всех нас овладеть экономическими методами работы, совершенствовать управление производством, крепить дисциплину труда.

Три направления отметил он в этом: хозрасчет, творчество, оперативность. Конкретно это означает улучшение постановки хозяйственного расчета в бригадах и на фермах, перевод на хозрасчет механической мастерской и автопарка. «Это пружина нашей работы», — пояснил Анатолий Павлович. Далее намечается регулярно проводить экономические семинары и конференции, смотры экономии и бережливости, конкурсы рационализаторов и изобретателей, ежемесячно выпускать экономические бюллетени. «Это толчок мозгам». А для оперативного руководства производственными под

разделениями пора организовать в хозяйстве диспетчерскую службу. «Это порядок, четкость, дисциплина».

Далее докладчик повел речь о расширении демократических основ руководства трудовой и общественной деятельностью коллектива.

— Наш коллектив имеет замечательные демократические традиции и готов углублять их.

Хозяин в колхозе — колхозник, он и должен диктовать свою волю, отстаивая общественные интересы.

Перед колхозниками теперь будут регулярно отчитываться не только выборные органы — правление колхоза и советы бригад, но и служебные лица из числа руководителей различных участков производства, быта, культуры. Коллектив бригады или фермы может, например, заслушать отчет помощника бригадира по технике, бригадного агронома, зоотехника. Колхозники вправе потребовать отчета у работников сферы обслуживания — директора магазина, заведующего комбинатом бытового обслуживания, руководителя Дома культуры.

Контроль масс — сильное средство воздействия на дело. Лень обуяла человека? Люди встряхнут. Зазнался? Люди назовут твою подлинную цену. Заблудился в «бытовой чаще»? Люди всегда готовы протянуть тебе руку и указать дорогу.

А если к колхозникам не захотят прислушиваться и слова их повиснут в воздухе?

Нет, активное участие членов коллектива в управлении делами хозяйства гарантируется Уставом колхоза. Что касается плана развития, то в нем записано: «Систематически анализировать и обобщать критические замечания и предложения, высказываемые колхозниками на общих собраниях, разрабатывать и осуществлять меры по их реализации».

Предопределены в плане и другие важные шаги в направлении демократизации управления колхозом.

Прежде зачастую было так. Человека снимают с работы. За что? Не справляется с делом? Груб с подчиненными? Пьет? «А кто его знает, нас не спрашивают». Человека ставят на более высокий пост. За какие заслуги? Хорошо проявил себя на производстве? Умеет работать с людьми? Талантливый организатор? Знаток дела? «А кто его знает, председателю виднее...». Равнодушие, безразличие к делам управления...

Теперь не услышите недоуменных вопросов и пассивных ответов. Потому что освобождать работника от занимаемой должности или нет, выдвигать товарища на соответствующий пост или подождать — об этом дается право предварительно судить-рядить самим колхозникам на бригадных и общих собраниях. И правление обязано прислушиваться к мнению масс, считаться с коллективной точкой зрения.

Вся жизнь колхозника тугим узлом связана с каждым разделом перспективного плана, и участники собрания не хотели пропускать ни единой фразы доклада.

Каждый из них знал: без знаний в наш прогрессивный век — не жизнь. И брала забота, как самому повысить квалификацию, как детей обучить, в люди вывести.

А тут — будто подслушали. «Шире вовлекать колхозников в учебу на заочных факультетах и отделениях вузов и техникумов...» «Выплачивать стипендии за счет общественных фондов потребления колхоза поступившим в вузы и техникумы для приобретения специальностей: агронома — 4 стипендии, зоотехника — 3, инженера или техника-механика — 9...» Станут колхозными стипендиатами и молодые люди, которые поступят в учебные заведения, готовящие воспитателей детских дошкольных учреждений, культпросветработников, работников общественного питания.

В деталях, по годам спланирована подготовка и переподготовка работников массовых профессий в учебно-курсовом комбинате колхоза, в профтехучилищах, на краткосрочных районных и областных курсах. Выбирай дело по душе и учись. Можешь стать трактористом-машинистом, мастером-наладчиком, шофером, электриком, мастером машинного доения коров. Не хочешь? Тогда овладевай другой профессией. Колхозу требуются мастера-садоводы, мастера цеха по переработке плодов, ягод и овощей (такой цех отстраивается заново), нужны ему также плотники, столяры, мастера по ремонту бытовой техники, закройщики. Выбирай!

Не все молодые люди имеют среднее образование. Для таких на базе местной средней школы откроется вечерняя школа сельской молодежи.

Да, интересные годы. Давно ли учеба считалась в колхозе личным делом? Хочешь — садись за книги, не хочешь — сиди неучем. А нынче это забота государства, коллектива. Какой же работник без знаний?

И снова наступили тихие минуты в зале. Как же не прислушаться, если речь заходит о самом сокровенном — труде, здоровье, быте, отдыхе людей?

Золотые слова записаны в плане:

«Создание каждому члену коллектива условий, при которых бы он с наибольшей полнотой сохранял работоспособность, сберегал здоровье, получал удовлетворение в труде, считал его своей первой жизненной потребностью, имел возможность хорошо отдохнуть после работы — задачи большой социальной значимости».

С глубоким удовлетворением узнавали люди новости завтрашнего дня.

Пришел тракторист на полевой стан, доярка и свиноводка — на фермы. Открывают дверь в только что оборудованное, пахнущее краской помещение, смотрят — раздевалка. Шкафчики, диван, зер

кало... Открывают другую дверь — красный уголок. Стол с газетами и журналами, на тумбочке — телевизор, по стенам — фотографии знатных животноводов... Идут дальше. Буфет с прохладительными напитками. Комната отдыха. Душевая...

К услугам тех, кто трудится на колхозных стройках и долголетних культурных пастбищах, — передвижные домики.

А микроклимат в телятниках и свинарниках, поддерживаемый с помощью электрокалориферов? А забота о производственной эстетике? А ежегодный медицинский осмотр механизаторов, животноводов и лиц, работающих с ядохимикатами?

Какое бы удовлетворение ни вызывали эти новости, колхозники встречали их сдержанно, а вот когда Анатолий Павлович сообщил, что планом социального развития предусмотрен перевод механизаторов и животноводов на двухсменную работу, по рядам зала покатались дружные рукоплескания.

Радость земледельцев и скотоводов понять легко. Лучшие годы их жизни проходят на полях и фермах. И они не тужат, потому что труд — источник благ. Огорчало лишь одно. Зачастую не оставалось времени уделить внимание детям, покопаться в огороде, прочитать книгу, а о рыбалке и грибах и вспоминать перестали. Девушка-дойрка так занята на ферме, что и па свидание сходить не найдет часа. А теперь вон оно как поворачивается дело!

Обнадеживали и перспективы роста материального благосостояния колхозной семьи и расширения службы быта. За пять лет в этом отношении произойдут добрые перемены. Увеличится заработная плата колхозников. Хозяйство произведет большие отчисления в общественные фонды потребления, на культурно-бытовое и жилищное строительство. На главной усадьбе, в поселке Ленинском, поднимутся, маня городскими удобствами, новые жилые дома. Из новой хлебопекарни повезут в магазины не только хлеб, но и булки, и калачи, и баранки. Гостеприимно распахнет двери уютный зал новой столовой, которой уже сейчас предлагают дать название: «Аппетит». Строители поставят еще одну баню, реконструируют и переоборудуют помещения для детского сада, школьного интерната, дома престарелых, прачечной. В доме быта откроются цехи по ремонту электробытовой техники, пошиву одежды и обуви. Расширится канализация, почти пятьсот квартир получат газ. Сельский Совет организует общественность на благоустройство. Намечается закладка парков в селе Ира и на втором участке, расчистка прудов на центральной усадьбе и в поселке Серпы, новые деревца зазеленеют на улицах.

Ах, как внимателен к человеку этот поразительный план! Колхозник и служащий — механизатор, животновод, строитель, сельский интеллигент, работник службы быта — вот кто стоял со своими нуждами и запросами в центре тщательно обдуманных мер, вот о ком были заботы!

Отдых людей, уж он-то, кажется, меньше всего занимал плановиков. А тут и об отдыхе — пять параграфов. И графики отпусков колхозников, чтобы ежегодно составлялись и строго выполнялись. И пионерский лагерь собираются расширить. И построить стадион на полторы тысячи мест, и типовой спортивный зал иметь, и создать секции футболистов, волейболистов, легкоатлетов, рыболовов.

— Хорошо-то как! Аж сердце защемило от радости! — шепнула соседке доярка Анна Ивановна Кондратьева, депутат сельского Совета. Та кивнула: «Слушай!»

Женщины не думали тогда, что через какие-нибудь полгода в их дома придут еще более радостные вести из Кремля. В интересах народа XXIV съезда КПСС предусмотрит в своих Директивах на новую пятилетку повышение заработной платы рабочих и служащих и оплаты труда колхозников. Съезд выскажется также за то, чтобы обеспечить дальнейший рост общественных фондов потребления. Средства из них пойдут, в частности, на улучшение материального положения многодетных и малообеспеченных семей.

Об этих, как и о многих других крупных мероприятиях партии на новую пятилетку, в колхозе узнают позже. Пока же на собрании в Доме культуры докладчик сообщал, что по силам сделать самому колхозу.

Вот он перешел к последним разделам колхозной пятилетки, повествующим об удовлетворении духовных и культурных потребностей населения.

В первых же строках этих разделов — заботы партийной организации об идейно-политическом, трудовом и нравственном воспитании членов коллектива. Как и в прежние годы, на вооружение берутся испытанные средства политической работы с людьми — изучение марксистско-ленинской теории, лекции, беседы, но формы их оттачиваются, становятся более гибкими и привлекательными. Шире развернет свою деятельность клуб политической информации. Организуется комсомольско-молодежный лекторий. Вводятся ежемесечные единые политдни. Местное радио, товарищеский суд, женский совет, родительские комитеты в школах, стенные газеты, сатирические листки — все рычаги общественного воздействия будут направлены на воспитание человека коммунистического завтра.

Этим же целям послужит углубленная культурно-просветительная работа. На базе Дома культуры решено создать народный университет с четырьмя факультетами: основ коммунистической морали, экономических знаний, культуры, «азбуки права». Внимание колхозников привлекут также новые, хорошо организованные тематические вечера, читательские конференции, вечера вопросов и ответов. Придя в Дом культуры, люди могут услышать обзор книжных новинок, устный журнал, принять участие во встрече со знатными людьми. В «новый класс» перейдет художественная самодеятельность. Многолюднее станут ее кружки и коллективы, зрелее концертные программы. Самодеятельные артисты собираются выступать не только на сцене Дома культуры. Время от времени их встретят и в отдаленных селениях колхоза, на полевых станах. Отчеты о работе учреждений

культуры намечено периодически рассматривать в исполкоме сельского Совета и на сельских сходах.

— Такова наша пятилетка, товарищи колхозники, — закрывая папку, заключил председатель. — Рубежи высокие и, нечего скрывать, трудные. Но нашему ли коллективу страшиться трудностей? Сил у нас хватит, чтобы претворить в жизнь, что намечено...

Зал зашумел аплодисментами, зашевелился, задвигался. Никто не оставался равнодушным к тому, что его ожидает завтра. Вот один колхозник толкает сидящего рядом молодого человека в белой рубашке: «Думаешь, так и будет?». Тот улыбается: «А что тут космического?» «Микроклимат в свинарнике — не космос тебе? — уже с раздражением говорит первый. Молодой человек берет его за локоть, склоняется ближе. «Помнишь, Сережа, три года назад о ДOME культуры нам толковали? Каким он будет распрекрасным? Тоже не верили. А сейчас сидим в этом чудесном дворце — точно он вечно стоял в нашем поселке».

Как тихое солнечное утро предвещает погожий день, так и дельные, всесторонне обдуманые намерения открывали перед людьми радостные страницы жизни.

Стихли аплодисменты. Откуда-то с конца зала послышался первый вопрос:

— Вы сказали, Анатолий Павлович, о зерне, сказали о мясе. А что ожидается, например, в смысле подсобных предприятий?

Поваляев снова шагнул к трибуне.

— Будем расширять, товарищи. Кирпичному заводу увеличивается план. Строим много, кирпич нужен. Мельница, маслозавод — тоже в надежде на рост. Запланировано строительство цеха по переработке плодов, ягод, овощей. И складские помещения возведем для хранения продукции.

Участники собрания не оставались безразличными даже к второстепенным моментам колхозной жизни. Вопросы шли с разных концов зала — и устные и письменные. Почему у трактористок кормовой бригады зарплаты выше, чем у других механизаторов? Кто разрешил послать автомашины в колхоз «Вперед к коммунизму», если не вывезена еще своя свекла? В магазине четыре продавца, а часы торговли нарушаются. Кто виноват? Всем ли семьям фронтовиков, погибших в войну, оказывается помощь в ремонте квартир или обращается внимание на личности? Какие новые гражданские обряды намечено внедрить? Будет ли создана обстановка внимательного и чуткого отношения к женщине?

Поваляев вытирал платком взмокший лоб, хмурился, но отвечал с большим терпением, четко и ясно. Председательствующий секретарь парткома Егор Михайлович Витютнев успокаивал людей: «Ти

хо, товарищи, тихо!» И когда вопросы были исчерпаны, спросил, напрягая голос:

— Перейдем к разговору?

Из первых рядов поднялся слесарь Николай Трофимович Обьедков. Одернул пиджак, поправил волосы, махнув по ним расческой.

— Прошу два слова...

Редкостный дар крестьянской натуры — умение мыслить конкретно и кратко говорить. Однако кто слушал выступления на этом собрании, не мог не заметить и другой характерной черты. Воспитанные советским строем труженики села заботились не только о личном благе, но и о благе всех, готовы были разделить между собой ответственность за любое дело. «Мы должны...» «Мы обязаны...» Общественный долг ставился превыше всего. Не свой участок, ограниченный межами, заботил крестьянина, а общее поле.

Ни обид, ни жалоб — и в то же время тревога, критика, требовательность.

Слесарь Обьедков и слово-то взял, чтобы напомнить лишь об одном: колхоз у нас хороший и строгость должна быть во всем.

— Хочу заметить о водоснабжении. Мы должны решить, кто обязан наблюдать за водопроводом и ремонтировать колонки.

Марию Васильевну Ковалюк, женщину беспокойную, с метким глазом, волновал, как она сказала, «самый больной вопрос — механизация».

— В плане хорошо расписано это дело, одобряем. Но не все предусмотрено. Например, пасека. Омшаник построен по-старому, без механизации. Каждый улей весит восемьдесят пять килограммов. Вот потаскай его. А у нас пятьсот пчелосемей. Неужели нельзя придумать тележку для перевозки ульев? В садах пора машинную обработку вести.

Звеньевая Мария Николаевна Орешкина, торопясь и волнуясь, несколько фраз бросила о трудовой дисциплине.

— Из зала был дан вопрос, как это может быть, что в кормовом звене зарплата доходит до двухсот рублей. Я скажу только тем, кто это писал, что весь заработок — от труда. Кто выходит в поле в девять утра — тот не работник. Наши часы — солнце. Мы должны просыпаться раньше, чем оно взойдет. И с поля возвращаться с его заходом. Вот тогда и дело будет, и заработок двести рублей.

Чуть сутулясь, вышел на трибуну Илья Михайлович Никитин, заведующий свиноводческой фермой. Посмотрел пристально в зал, начал негромким голосом.

— Я свыше двадцати лет на ферме и никогда еще таких надежд не имел. Производительность труда от чего зависит? Полностью и целиком от условий работы и механизации. Свиноферму очень ограничивают помещения, они не отвечают нашим требованиям. Одним словом, связывают нас по рукам и ногам. Это хорошо, что запланировано построить свинарник-маточник и свинарник-

откормочник с полной механизацией. Надо ускорить только сроки строительства. Ведь свиноферма может легко давать ежегодно самое малое триста тысяч дохода. Что это — не деньги? Нужно перестраиваться на современный лад, тогда и свинины получим больше.

— Не одни помещения нужны! — послышалось из зала. — Кормов больше надо производить!

— Это уж само собой, — отозвался Никитин.

На трибуну скорым шагом поднялся Владимир Федорович Воронов, главный агроном. Без предисловий начал:

— Здесь спрашивали, возможно ли осуществить, что запланировано, в частности, в смысле высоких урожаев. На эти вопросы, товарищи, отвечает наш собственный опыт. Урожай зерновых в колхозе в текущем году — 19,3 центнера. Это на круг. А вот на поле № 10 во второй бригаде площадью в 136 гектаров — бригадиром там, вы знаете, Алексей Алексеевич Девятков — там взяли овса сорта Льговский по 29,3 центнера, на десять центнеров с гектара больше. На поле № 3 в бригаде Михаила Захаровича Коняжкина еще выше — 33 центнера с гектара. А знаете, сколько собрали озимой пшеницы на поле, что засеивал Николай Иванович Злобин, лучший тракторист бригады? Тридцать восемь центнеров с гектара! Вот вам и ответ, справимся ли с планом.

Главный агроном смолк, взвешивая, очевидно, убедительны ли примеры, которые он привел.

— Где лучше обработали землю, удобрили, в срок все сделали, там и выше урожай. Это и нужно запомнить, чтобы дойти до намеченной цифры. Потребуется, правда, побольше минеральных удобрений. В нынешнем году мы их получили менее половины от потребности. Просим присутствующего на нашем собрании секретаря горкома обратить на это внимание. А в остальном у нас все готово к встрече первого года новой пятилетки. Озимые в норме, зябь вспахана, техника ремонтируется, люди подготовлены, семена — первого класса. Уверен: земледельцы наши не отступят от плана, а перекроют его!

Суждения шли по большому кругу. Все сходились на главном. Сегодняшний день коллектива, слов нет, богат и светел, но день завтрашний должен быть еще светлее и радостнее. Прошлое — опыт и уроки, грядущее — борьба. К росту производства и материальной обеспеченности пусть прибавится побольше культурных и духовных ценностей, пусть люди энергичнее избавляются от пережитков.

Заботы о высокой дисциплине и сознательности людей, товарищеских взаимоотношениях между ними, о их духовном совершенстве и моральной чистоте беспокоили многих.

На трибуну поднялась семидесятилетняя колхозница — пенсионерка Евдокия Алексеевна Ляпунова, близко к глазам подняла

листок бумаги и ровным голосом, как с соседями, заговорила о будущем наших детей.

— У нас растет счастливая смена. Не помню, хоть и много прожила, чтобы крестьянские дети были так одеты и обуты, так сыты и здоровы, так развиты, как теперь. Никто из них не знает нищеты, все учатся, перед каждым свободная дорога. Замечательно все это, слов не найдешь. Добрым дням — доброе пополнение. Но вот что заставило меня взять слово. У нас есть семьи, вы их знаете, в которых родители перестали интересоваться, как учатся их сынки и дочери, как ведут себя и кем собираются стать. Сказала я однажды одному папаше: «Что ж за сыном не присматриваешь? Учится, говорят, плохо. Окно разбил у соседей». А он мне: «Какое вам дело до моей семьи?» «Как, — говорю, — какое? Мы в коллективе живем, друг за друга отвечаем. Твой сын — это и твоя забота и наша общая забота». Не знаю, понял ли человек меня...

Она повернулась, чтобы сойти с трибуны, но, вспомнив о чем-то, снова стала лицом к залу.

— Нам противен лентяй и лодырь. Не любим мы хвастунов, завистников, сплетников. Портит человека честолюбие. Но нет сил, товарищи, смотреть на пьяницу — боль в глазах. Мы должны повести борьбу с этим позором. Не по пути нам с пьяницами.

Отношение коллектива к недостаткам и ошибкам в своей среде указывало на его зрелость. На собрании никто без особой необходимости не обнажал меча критики. Не было здесь, однако, и страха или боязни сказать человеку правду в глаза. Критика и самокритика в колхозе — норма жизни.

Колхозники уважали своего молодого председателя, особенно ценили его за любовь к земле, простоту, открытость. Когда же замечали недостатки и ошибки, не молчали.

— Мы надеемся на вас, товарищ Поваляев, — заявил на собрании Павел Иванович Зюзин, старый колхозник, коммунист. — Но не сбейтесь с пути. К людям поближе и помягче с ними, терпенья больше. Что молодой и с образованием — то для вас плюс. Учитесь теперь, как с народом работать.

Председатель сидел, не поднимая глаз. Слушал терпеливо и внимательно. Зюзин повернулся к нему, закончил мысль:

— Народ он и подскажет, он и поддержит, он и выручит.

Одобрительный гул прошел по залу. С последнего ряда кто-то крикнул:

— Это надо намотать на ус всем молодым специалистам!

Председательствующий встал.

— Тише, товарищи. Слово предоставляется товарищу Горбунову, председателю сельсовета.

Как ручеек в многоводную реку, «малая пятилетка» коллектива, спаянного одними целями и стремлениями, уверенно вливалась в «большую пятилетку», Директивы по которой предстояло рассмотреть XXIV съезду партии. И именно тот факт, что пятилетка социально-экономического развития тамбовского колхоза являлась частицей, пусть крохотной, нового пятилетнего плана развития народного хозяйства

СССР на 1971—1975 годы, что колхоз идет в ногу со всей страной, именно этот факт придавал особый вес каждому ее пункту. Колхозники, непоколебимо веря в силу коллективного труда в крупном механизированном хозяйстве, смело смотрели в завтрашний день и готовы были, как сказал один из выступающих, «ровнять все по плану, выравнивать по уровню, срывая бугры и засыпая лунки».

Нравился им и всеохватывающий характер плана. Люди понимали, что в нем отлично сочетаются и общественные интересы, и их личные. И забота о развитии хозяйства, и забота о семье каждого. Человек и его дело неразрывны. В один узел связаны производство, труд, быт, культура. Как не порадоваться столь разумному подходу к грядущему дню? Вот почему план социально-экономического развития колхоза имени В. И. Ленина на 1971—1975 годы был принят на собрании единодушно.

С большими думами расходились колхозники по домам.

С думами о том, как неузнаваемо изменилась судьба миллионов крестьян, весь уклад деревенской жизни, в прошлом вечно беспокойной и нищенской, а теперь «правильной и здоровой» (помните эти слова крестьянина И. А. Микунова из Екатериновки?).

Да, судьба земледельцев и животноводов из колхоза имени В. И. Ленина сложилась совсем не так, как пророчили многие зарубежные оракулы. Давайте посмотрим, какова дальнейшая участь ну хотя бы тех, с кем беседовала леди Астор в 1931 году?

Одного из первых леди Астор повстречала в колхозе Корнея Ефтихьевича Задирако. Этот украинский крестьянин из бедняцкой семьи, гонимый нищетой и царским гнетом, до революции дважды уезжал в Америку «искать счастья». Увы, хваленый «рай» обернулся для него сущим адом. «Искать счастья в Америке все равно, что задерживать воду бреднем», — понял Задирако и в 1922 году вместе с другими членами сельскохозяйственной артели, созданной Обществом технической помощи Советской России, приехал на тамбовскую землю. На собственном опыте он испытал, где лучше жить: «при князе Оболенском», в «свободной» Америке, где он бедствовал несколько лет, или в сельскохозяйственном коллективе, избавившем его от нищеты и бесправия. Работа по душе, жизнь в дружной семье, где хозяева сами ее члены, почет и внимание (Корней Задирако в свое время был колхозным бригадиром и награжден орденом Ленина), обеспеченная старость — нет, другого счастья не хотел познавший нужду крестьянин.

Слова доярки Марии Кардаш, просто и понятно объяснившей леди Астор смысл советского образа жизни, оказались пророческими. Когда Мария умерла, у нее осталась дочка Елена. Случись это в бедном единоличном хозяйстве, что стало бы с девочкой? А колхоз окружил ее заботой и вниманием, выучил, воспитал. Елена Кардаш заведует зерновым складом. «Работник незаменимый, — говорят о ней. — Колючая, правда, но за справедливость — горой. Коснись что колхозных интересов, защищает самоотверженно. Не добьется сама, идет за помощью в партком. А зерно как учитывает и оберегает! Это, говорит, первая статья нашего богатства, как же не оберегать?»

И к этой жизни не подходит проповедь леди Астор: «человек сам для себя». Коллектив и дружба противостоят индивидуализму и побеждают его.

Бывшая работница хлебопекарни Мария Пилипенко, с которой тоже беседовала леди Астор, сказала тогда англичанке, что чувствует себя свободно, человеком: «У меня всегда есть работа, и мой труд ценят. Мои дети все учатся...»

Через тридцать восемь лет корреспондент «Правды» писал о Пилипенко:

«В канун Нового года мы зашли к Марии Матвеевне Пилипенко. Навстречу вышла седая, с мягкими чертами лица женщина. Старая коммунистка проработала полвека, сейчас на пенсии, живет в двухкомнатной квартире. Зашла речь о детях.

Мария Матвеевна, сняв очки, улыбнулась:

— У каждого — большая дорога. Колхоз дал им крылья, образование. Со мной живет Ольга, работает мастером в ателье. Рядом в отдельной квартире семья Льва, механизатора колхозного. А Владимир? Он в Москве — инженер. Дочь Вера — адвокат. Александр, тот пошел по ученой части. Кандидат наук. Анна — бухгалтер в Курске. Младший Витя — в Ростове, токарь. Да, я радуюсь, что дети стали полезными обществу людьми».

А как жила все эти годы Катюша Гонтарь, та самая девочка, которая говорила с леди Астор на английском?

И она познала в коллективе свет и тепло. Окончив семилетку, Катюша работала учетчиком. Прошел год, и девушка поступила в Саратовский педагогический техникум. После была секретарем комсомольской организации, опять училась, стала педагогом. Нынче Екатерина Васильевна Гонтарь-Шишкова — преподаватель в местной средней школе. Ее приняли в ряды членов партии. «Всю жизнь — общественница, — рассказывают об учительнице. — Член месткома, секретарь товарищеского суда. Политинформатор в коллективе доярок. Не замечает, как и время идет. Оксана, дочь, уже в десятом...»

Легко понять, что мы коснулись биографий не избранных, а просто упомянули об участии тех, кого заокеанская леди пыталась сбить с правильного пути. «Страна надежд» не обманула их. В свободном коллективном труде раскрылись все богатства человеческих душ, у людей — полнокровная жизнь.

Означает ли это, однако, что обновление советской деревни, физическое и духовное здоровье ее людей, их идейное и общественное совершенство измеряются только по тому, сколько колхозников закончили институты, академии и вышло «наверх»? Нет, разумеется.

Социальные корни колоссальных перемен в колхозном селе гораздо глубже. Суть не в счастливой звезде отдельных личностей, не в восхождении кого-то по служебной и научной лестницам, а в судьбах крестьянства в целом. При колхозном строе полновластным хозяином на земле стал тот, кто трудится. Каждый имеет возможность в таких условиях подняться выше, соблюсти человеческое достоинство, честь, стать хорошим работником и культурным, духовно богатым человеком, истинным гражданином своей Отчизны.

Русская крестьянка Матрена Можарова всю жизнь прожила в колхозе. Поговорите с ней сейчас, и вы убедитесь: перед вами интеллигентный человек, хотя «выше» телятницы она не поднималась. Ее университеты — колхозная жизнь. Она с отличием усваивала каждую страницу, впитала в себя все, что открыл перед ней коллектив, платя ему за «науку» беззаветным трудом. Колхозный труд избавил Матрену Можарову от нищеты и невежества. К ней пришли достаток, культура, общественное признание. Матрена Григорьевна — Герой Социалистического Труда, член горкома партии, уважаемый и почитаемый на селе человек.

Жизнь не обманула крестьянина. Детище Владимира Ильича Ленина — коллективное хозяйство, раскинувшее свои владения по берегам родниковой речки по имени Ира, открыло перед сельскими тружениками широкие и светлые горизонты. Новый пятилетний план социально-экономического развития колхоза — лишь крохотная частица определенных партией мер подъема сельского хозяйства и преобразования села, но люди несут эту частицу в своем сердце как достояние всего общества.

И удивительно! Еще вчера многое казалось колхозникам далекой перспективой, а сегодня как бы придвинулось вплотную. Еще ближе и реальнее стали задачи, записанные в решениях партии. И последовательное осуществление интенсификации земледелия и животноводства. И постепенное превращение сельскохозяйственного труда в разновидность труда индустриального. И расширение социально-культурного строительства в деревне, перестройка сельского быта. И последовательное сближение уровня жизни городского и сельского населения.

Широкая программа развития советского общества, намеченная XXIV съездом Коммунистической партии Советского Союза на девятую пятилетку, является порукой тому, что один из старейших колхозов страны в скором времени займет новые высоты.

СОДЕРЖАНИЕ

ДАЛЕКОЕ БЛИЗКОЕ ,
ЗАРЯ НАД ПОЛЕМ
ЯСНЫЕ ДАЛИ

Корицунов Иван Иванович.
НА ЗЕМЛЕ ОТЦОВ, М., «Колос», 1972.
80 с.

УДК 631,14К(470.326)

Редактор *Ю. А. Наумов.*
Художественный редактор *С. И. Томилин.*
Технические редакторы: *О. И. Самойлова, В. А. Зорина.*
Корректор *М. И. Бынеев.*

Сдано в набор 24/VIII 1971 г. Подписано к печати 20/1 1972 г. Т 16977. тип №
Формат 60X84⁷/16- Бумага 2. Печ. л. 5(4,65). Уч.-изд. л. 5,14. г. № 35. Тираж
Изд. № 335. Б. а. N5 37. 1971 8.000 экз. Заказ № 348. Цена
14 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Колос», Москва. К-31, ул.
Дзержинского, д. 1/19.

Белоцерковская книжная типография Комитета по печати при Совете Министров
УССР, ул. К. Маркса, 4.